

АЛЁНА НЕФЁДОВА
ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

СЕДЬМАЯ ВОЛНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

На гребне любви

Алена Нефедова

Седьмая вода

«Автор»

2016

Нефедова А. В.

Седьмая вода / А. В. Нефедова — «Автор», 2016 — (На гребне любви)

Она: «Я чуть не влюбилась в него с первого взгляда. Он практически возненавидел меня с первой встречи. Мой сводный брат — худший кошмар наяву. Такой красивый. И такой жестокий». Он: «Я не успел оглянуться, как сводная сестрица из неказистой девчонки-лягушонки превратилась в Царевну. Нет, Королевну. Мою Снежную, чтоб ее, погибель. Такую прекрасную. И такую холодную. Но я-то знаю, что под этой ледяной маской бурлит вулкан. Я сам его когда-то разбудил. И теперь горю и плавлюсь в этой лаве». Содержит нецензурную брань.

© Нефедова А. В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алёна Нефёдова, Галина Череди́й

Седьмая вода

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Василиса

Сеанс чрезвычайно модного и невыносимо скучного фильма на авторском показе для избранных подходил к концу. Я дико устала следить за вывертами фантазии очередного «гения» от кинематографа, которым все так экзальтированно восхищались. К своему стыду, даже имени его не помню. Я вообще не люблю отечественное кино и музыку, а любовные романы только переводные читаю. Можете считать меня ограниченной и непатриотичной, мне плевать. Но Кирилл обожал все эти тусовки и гламурные движняки, он был на них в своей стихии. Просто дышать не мог, не вытащив нас хоть раз в неделю на какой-нибудь вернисаж, благотворительный прием или вот такой показ.

Я на самом деле ненавидела это, но огорчать его мне не нравилось, поэтому я покорно позволяла обряжать меня как куклу и таскать за собой по этим мероприятиям. Он просто лопался от гордости, когда ловил на мне восхищенные и похотливые взгляды других посетителей этих тусовок и слушал льстивые комплименты о том, какая мы сказочно красивая пара. Я спрашивала, понимает ли он, что все это по большей части неискренне, на что регулярно получала примерно такой ответ:

– Конечно, понимаю, мое сокровище! И все равно мне нравится видеть, как у всех окружающих мужиков на тебя встает, но при этом знать, что спишь ты только со мной.

В остальное время он прекрасно переносил, что в повседневной жизни я ношу удобную одежду вместо стильной и модной, предпочитаю борщ и шашлык из свинины устрицам и всяким там улиткам и скорее останусь в выходной валяться на диване перед телевизором, нежели попрусь таскаться с подружками по бутикам, пополняя коллекцию шмоток, многие из которых даже никогда не увидят свет. На людях я играла роль его утонченной подружки, а дома спокойно могла быть сама собой, и нас обоих это устраивало.

Да, собственно, и подруг у меня нет. Перебравшись в столицу, я оставила в родном городке многие свои привычки. И одна из них – заводить подруг. Так что если мне и случилось ходить по магазинам, то только вместе с Кириллом. Вот уж кто любил это дело гораздо больше меня.

Сотовый в клатче завибрировал, и Кирилл бросил на меня недовольный взгляд. Я, виновато пожав плечами, вытащила гаджет. Мой спутник укоризненно покачал головой, но я кивнула ему, указывая на окружающих. Половина из присутствующих втихаря ковырялась в телефонах, изображая при этом, что они страшно заинтересованы происходящим на экране. Кирилл нахмурился, но я заметила отблеск лукавой улыбки, затаившейся в уголках рта и глаз.

Я посмотрела на экран и поморщилась, чувствуя, как в сердце что-то тревожно кольнуло. Звонил Максим Григорьевич, что случалось считанные разы за те годы, что я уехала из дома. И то это было только в праздники, и наше общение заключалось лишь в формальных поздравлениях. Дань вежливости для людей, которых судьба случайно сделала членами одной семьи. Хотя так было не всегда, но это уже совершенно не важно.

– Я выйду, – шепнула я Кириллу, и он кивнул.

– Все нормально? – Он, как всегда, нежно провел по моей ладони, прежде чем я поднялась.

– Пока не знаю.

Извиняясь на каждом шагу, я выбралась из зрительного зала. Вызов к тому времени уже закончился, и я набрала отчима сама.

– Васенька! – Одно слово издалека, и без того растревоженное сердце сжалось острой болью предчувствия. – Девочка моя, с мамой беда!

Дыхание перехватило от того, как растерянно и беспомощно прозвучал голос мужчины, которого я помнила всегда непоколебимой скалой и образцом спокойствия и надежности в хаосе, творившемся временами в моей жизни. Раньше, не сейчас.

– Что случилось, дядя Максим? – в страхе прошептала я.

– Мама в больнице, Васенька. Инсульт!

– Господи Боже! Но как же? Она же еще молодая совсем! – Сознание не хотело вмещать в себя эту новость.

Моя мама – такая красивая, что глазам больно, добрая даже с теми, кто этого не заслуживал, и заботящаяся обо всех на свете, кроме себя.

– Ты приедешь? – Голос Максима Григорьевича доносился до меня как из другой Вселенной, и, видимо, спрашивал он уже не в первый раз.

– Да! Да, конечно. Я вылечу первым же рейсом, на который смогу взять билет.

– Пожалуйста, Васенька! Ты ей так нужна!

Автобус несся навстречу начинающему сереть горизонту. Прямого самолета до родного приморского городка не оказалось, и я долетела до Краснодара, спустя только несколько часов сев в междугородний автобус. На этом первом сегодня рейсе народу было немного. Хотя это только потому, что сезон отпусков еще не начался, иначе в любое время дня и в любой день недели здесь было бы битком, хоть туда, хоть обратно. Так, как было, когда я пять лет назад в спешке покидала родной город. Точнее будет сказать – бежала сломя голову. Тогда тоже было такое же очень раннее утро. В другой жизни.

Максим Григорьевич предлагал прислать кого-нибудь меня встретить, но я отказалась. Незачем кого-то дергать. На самом деле я бы и сама сюда ни за что не приехала, если бы не несчастье с мамой. Прошло пять лет, но я так и не была готова вернуться. Возможно, никогда и не буду. Хотя хотелось бы верить, что я очень изменилась за эти годы. Настолько, что прошлому до меня просто не дотянуться.

Но чем ближе к дому довозил меня этот большой, дурно пахнущий автобус, тем меньше оставалось во мне уверенности.

Я раздраженно потеряла виски. Надеялась хоть немного вздремнуть в дороге, но ничего не вышло ни в самолете, ни на автовокзале в ожидании рейса, ни тем более сейчас, когда руки так и норовили судорожно сцепиться до побелевших в напряжении пальцев, выдавая мою нервозность.

Да, я не хотела возвращаться, но мы не всегда вольны делать то, что хотим.

Постаралась отвлечься, вспоминая, с каким лицом Кирилл собирал чемоданы. Он спокойно поглядывал на меня то и дело, аккуратно все укладывая. У меня так никогда не получалось.

– Ты же вернешься, Лиса? – его глаза выражали тревогу.

– Конечно, вернусь. Моя жизнь здесь, с тобой. Мне абсолютно нечего там делать, – убеждала я его, ну и себя, само собой. – Я пробуду ровно столько, сколько мама будет нуждаться во мне. А потом ничто меня не остановит.

– Ты же знаешь, что я буду ужасно скучать?

– Я знаю, милый.

– Без тебя здесь будет совсем-совсем пусто, лисонька моя.

Да, возможно, не все бы поняли наши отношения с Кириллом. Мне плевать. Он стал моим спасением и убежищем тогда, когда я, толком ничего не соображая, примчалась в столицу. Ничего почти не умея в этой жизни и совершенно не зная, как жить дальше, когда вся жизнь превратилась в руины. Да, сейчас я понимаю, что я тоже стала для него неким спасательным кругом, не давшем ему в тот момент утонуть в своей депрессии. Но это не делало мою благодарность ему меньше, а чувства незначительней.

Такси подвезло меня к самым воротам коттеджа. Я хотела поехать прямо в больницу, но Максим Григорьевич сказал, что в такую рань там просто нечего делать. Увидеть маму пока нельзя. Она в реанимации, а туда не пускают даже за взятку.

Собравшись с духом, повесила на плечо большую сумку, подхватила ручку чемодана на колесиках от знаменитого модного дома и толкнула калитку, входя в мою собственную сумеречную зону. Место в мире, куда я хотела возвращаться меньше всего на свете.

Все выглядело почти так, как я помнила. Может, немного изменились конфигурации клумб – маминой гордости. Но не уверена, ведь я никогда не придавала им никакого значения. В уже достаточно ярких утренних лучах разглядела раскидистый старый орех в глубине двора и по-прежнему болтающиеся на его ветке старые выгоревшие качели. Тут же в голове мелькнуло воспоминание, как была прижата к этому шершавому стволу сильным гибким телом и безуспешно пыталась освободиться, упиравшись в твердые, как камень, грудные мышцы...

Сглотнув, отбросила от себя это видение подальше и решительно зашагала к двери.

– Господи, Васенька, ну почему ты не позвонила мне? – Максим Григорьевич выглядел постаревшим со вчерашней черной щетиной на подбородке и скулах и какими-то незнакомыми, ввалившимися и нервно бегающими глазами.

Было такое ощущение, что он отчаянно кого-то ищет в опустевшем доме. Ищет и не находит. Никогда не думала, что однажды увижу этого мужчину таким.

Я успокоила его, уверив, что прекрасно добралась на такси, а он начал суетливо хлопотать, желая меня накормить и выглядя так нелепо, мечась от холодильника к плите и столу и обратно без всякого результата.

Я заставила его сесть и быстро организовала нам обоим бутерброды и кофе и, усевшись напротив него, молча жуящего с остановившимся взглядом, вспоминала, как увидела его впервые.

Максим Григорьевич Кринников появился на пороге нашего маленького домика у моря с самыми плохими новостями, какие только можно принести в семью.

Мой папа, Олег Орлов, погиб при исполнении своих обязанностей. Получил пулю, спасая заложников от очередных ублюдков, возомнивших, что чужие жизни могут быть разменной монетой или рычагами для достижения их целей. До выхода в отставку папе оставалось два месяца. Мы только перебрались в тот непритязательный домишко в небольшом приморском городе, осуществляя давнюю мечту моей мамы. Жить в собственном белом домике у моря, выращивая во дворе свои любимые розы всевозможных сортов. Наше жилище было более чем скромным, с удобствами на улице, но мои отец и мама были преисполнены радостью и кипучей энергией просто от осознания того, что это, наконец, наше первое собственное жилье. Промотавшись столько лет по казенным квартирам, они воспринимали эти старенькие четыре стены как царские хоромы. Мы были счастливы как никогда и были готовы трудиться день и ночь, превращая наши шесть соток и саманный домик в то, о чем мечталось столько лет.

А потом папа улетел на очередное задание, а через неделю на нашем пороге появился Максим Григорьевич, сопровождая скорбный груз. Мой отец часто говорил с уважением и настоящим восхищением о своем непосредственном командире. Они были не просто сослуживцами, но и боевыми друзьями, теми, кто ценой своей жизни способен прикрыть спину товарища.

Для нас тогда настали действительно черные дни. Мне всего двенадцать, а мама была совершенно потеряна и раздавлена гибелью отца. Все дни она проводила, свернувшись клубочком в постели, прижимая к груди нестираную футболку папы, в их спальне с наглухо задернутыми шторами. А ночью она блуждала по дому и двору, трогая раз за разом те вещи, что еще хранили следы папиных прикосновений. Что я чувствовала в тот момент? Я помню это плохо. В основном страх. Я знала, что у мамы слабое сердце, и боялась, что она просто загонит себя, утонув в своем горе, и я останусь одна в целом мире.

Поэтому, когда Максим Григорьевич начал приезжать все чаще, я была этому действительно рада. В старом домике, где все так и норовило развалиться без мужской руки, и с мамой, которая словно отстранилась от всего и просто существовала, как тень, мне было дико одиноко и пусто. В этом городе у меня в школе пока так и не появилось ни друзей, ни даже просто круга общения, и моя жизнь была ограничена посещением занятий и пребыванием в доме, превратившемся в средоточие скорби.

Но постепенно, когда дядя Максим стал практически постоянным гостем, мама заставляла себя при нем брать себя в руки. Она потихоньку возвращалась к жизни, начав что-то делать по дому, готовить. А спустя два месяца, в конце апреля, вернувшись со школы, я застала ее за возней в клумбе.

Вот потому, когда год спустя дядя Максим сделал маме предложение, я не была против и не испытывала надуманных обид по поводу того, что мама и дядя Максим, типа, предадут память отца. Папа любил маму очень сильно. Истинно трепетной и заботливой любовью настоящего мужчины, которую я в полной мере осознала только став намного старше, и он ни за что бы не хотел, чтобы мама зачахла в одиночестве, храня память о нем. Для самостоятельной жизни у мамы не было ни силы характера, ни просто природного умения. Она была красивой, нежной, доброй, заботливой, но абсолютно неспособной выстоять в поединке с жизнью один на один. Надеюсь, я не такая, хотя, возможно, нужно смотреть на себя честно, и я недалеко ушла. И мои отношения с Кириллом тому подтверждение. Но с другой стороны, не всем же быть нестигаемыми и твердыми в этой жизни, способными выстоять в любых ураганах. Кому-то нужна опора или хотя бы якорь, и я отношусь именно к ним.

За неделю до Нового года мы собрали вещи, и дядя Максим перевез нас в новый удобный коттедж. Несколько дней, пока я обживалась в большой и светлой комнате на втором этаже, мне казалось, что жизнь, в принципе, налаживается. Каждое утро я видела маму, улыбающуюся мне пока неуверенной, грустной улыбкой, и ела настоящий завтрак, а не ту бурду, что совсем недавно вынуждена была готовить себе сама.

А потом появился он...

Я вздрогнула, услышав звук открывающейся двери на втором этаже. Уж слишком я хорошо его помнила, даже годы спустя. С него начинался каждодневный кошмар в моей новой жизни. Я посмотрела на Максима Григорьевича.

– Арсений здесь? – спросила я, злясь на то, как дрогнул мой голос.

– Да, он приехал еще вчера вечером, когда узнал, что случилось с Мариночкой, и остался со мной. Мы просидели почти до утра, он не хотел, чтобы я в такой момент был один. – В голосе мужчины явно прозвучало извинение, и я устыдилась, что в такой момент даю прорваться на поверхность тени старых обид.

Я сжала зубы и напомнила себе, что прошло достаточно времени, чтобы ничего не почувствовать при виде человека, отравлявшего мне жизнь столько лет.

Но все равно я скорее ощутила, чем услышала, когда он появился за моей спиной. Как всегда, как только он входил в комнату, там не оставалась воздуха от исходящей от него тяжелой энергии. Максим Григорьевич был очень крупным и сильным мужчиной и, безусловно, обладал неким ореолом власти, присущим только людям, привыкшим очень долго управлять другими. Но именно в присутствии Арсения я всегда чувствовала эту подавляющую волну. Уж

не знаю, как это можно объяснить, может, какими-то долбаными флюидами тестостерона, или аурой неприкрытой сексуальности, которой он всегда беззастенчиво пользовался, но стоило ему появиться, и мне становилось трудно дышать и тесно в своей коже. А если к этому добавить еще вечный презрительно-насмешливый взгляд льдисто-серых глаз, будто расчленяющих меня постоянно как какую-то букашку, то можно понять, почему я никогда не стремилась быть в его обществе. Хотя в течение нескольких непростых для меня лет у меня просто не было выбора.

– Арсюш, Васенька приехала, – кивнул сыну Максим Григорьевич.

Я, стараясь двигаться как можно медленней и спокойней, обернулась. И поняла, что прошедшие годы не сильно изменили манеры моего сводного братца к лучшему. Он, помятый и взъерошенный, стоял в дверях кухни, как всегда, в одних только заношенных джинсах, под которыми, как я знала, нет белья. Ну, или не было раньше. На секунду меня накрыло волной дежа-вю. Как и не было пяти лет вдали от дома, и я снова та самая девчонка, жизнь которой однажды превратилась в ежедневный кошмар с появлением этого сексуального монстра.

– Здравствуй, Арсений, – как можно безразличнее произнесла я, невольно сравнивая образ, который я увезла отсюда в памяти, на самом деле желая забыть как можно быстрее, с реальной картинкой.

Да, он такой же высокий, как я помню. Но словно стал еще больше, потому что раздался в плечах. Наверное, ему больше подойдет выражение «заматерел», как повзрослевшему, ставшему еще опасней хищнику. Арсений был мускулистым и потрясающе сложенным даже в пятнадцать, когда я его впервые увидела. Но сейчас его плечи, руки, которые он, по своему обыкновению, засунул в карманы джинсов, грудь и торс выглядели так, точно его отретушировали, несмотря на то, что он был полностью расслабленным с самого утра. С первого дня нашего знакомства девчонки и даже молодые женщины велись на него, как сумасшедшие, будто и не замечая циничного огня, никогда не покидавшего его глаз. Уже в юности взгляд его абсолютно однозначно говорил о порочности, притаившейся в глубине этого серого льда. Даже когда мне было тринадцать, я почувствовала это, попавшись в плен обжигающе холодного совершенства, окруженного нереальной для парня чернильной пеленой густых и длинных ресниц. И всегда поражалась, как никто из тех, кто ходил по нему с ума, не замечал, насколько он жесток и безразличен ко всему, кроме собственных желаний и удовольствий. Хотя нужно быть честной, впервые увидев его, я подумала, что он просто невозможно красив, и мое девчачье сердечко затрепетало в горле от мысли, что мне предстоит жить с ним под одной крышей и видеть каждый день. Но так было до тех пор, пока мы не остались наедине, и он не открыл свой рот...

Я как можно быстрее подняла глаза от темной поросли волос, ныряющей под его штаны, к его лицу. Странно, но вечно растрепанная копна черных волос пропала, оставив на своем месте короткий ежик. Что, впрочем, нисколько не умаляло его привлекательности, даже наоборот, делало ее более рафинированной, что ли. Он явно еще не брился с утра, и небольшая щетина затеняла его щеки и подбородок, придавая чертам мрачную отчетливость. Резко очерченный красивый рот неожиданно дернулся в улыбке, которую можно было бы принять за настоящую, если бы я точно не знала, что на искреннюю радость относительно меня он не способен.

– Ну, здравствуй, Василиса Прекрасная.

Да ладно, мы же не будем опять играть в эту детскую игру? Пора бы вырасти, братец.

– Как жизнь в столице? – Он вошел в кухню и остановился, привалившись голым плечом к холодильнику.

– Спасибо, прекрасно! – сухо ответила я и перевела взгляд на Максима Григорьевича. – Я бы не хотела вас стеснять, может, я сразу поеду на квартиру?

Однокомнатная квартира на другом конце города была подарком мне к совершеннолетию и памятником тому, как я не ужилась кое с кем под одной крышей.

– Васенька, тебя не было так долго, и мы решили сдать ее, чтобы она не пустовала. Я не смогу попросить квартирантов съехать раньше, чем через месяц, – немного смущенно ответил мужчина.

– А что, разве в доме из девяти комнат тебе тесно, сестренка? – Арсений полез в холодильник и вытащил сок.

Повернувшись ко мне, он стал пить прямо из пакета, не отпуская мой взгляд, и я видела, как двигается его горло, проталкивая внутрь холодную жидкость. Я сразу отвернулась, отгораживаясь от воспоминания, как видела этот дергающийся кадык прямо над моим лицом, и тогда это не имело никакого отношения к питью.

Перед этим что-то мелькнуло на его лице, какая-то мимолетная гримаса, смысл которой я уловить не успела и не собиралась об этом думать.

– Да, действительно, Васенька, – поддержал отец сына. – Мы не стесним друг друга. Мы с Арсением почти весь день на работе, возвращаться будем только поздно вечером. Ты тут сама себе хозяйка будешь.

Арсений обошел стол и встал у меня за спиной. Отчего у меня немедленно возникло ощущение тревожащего прикосновения на затылке, медленно стекающего вниз по спине.

– Ладно. Думаю, я вполне могу остаться и здесь. Могу я занять мою старую комнату? – поднялась я, спеша избавиться от напрягающего меня присутствия «любимого» родственничка.

– Почему ты спрашиваешь? – искренне удивился Максим Григорьевич. – Мы ничего не трогали с тех пор, как ты уехала. Все на своих местах. Иди, прими душ и отдохни.

– А когда мы к маме поедем?

– Я звоню в больницу каждый час. Она пока в реанимации, а туда не пускают. Мне даже не позволили посмотреть от двери. Но я им заплатил хорошо, Васенька, они будут тщательно за ней ухаживать и, как только будет можно, позвонят нам сами даже среди ночи.

– Спасибо, дядя Максим, – сказала я, и он болезненно поморщился.

– Не понимаю, за что ты меня благодаришь. Ведь это я не уследил за моей Мариночкой. – Широкие плечи мужчины вздрогнули и бессильно поникли. – Я не знаю, как я... если она.

Вид этого всегда твердого, как скала, мужчины, который стал опорой для нас с мамой в самый тяжелый момент нашей жизни, подействовал на меня, как удар в грудь. Видеть его сломленным – по-настоящему страшно. Если даже он так напуган, то что же делать мне?

Повинуясь неожиданному порыву, я поднялась и, подойдя, осторожно положила руку ему на плечо. Может, и странно, но, несмотря на годы, прожитые бок о бок в одном доме, я никогда не дотрагивалась него. Максим Григорьевич накрыл мою руку своей большой горячей ладонью, и это прикосновение стало чем-то новым для меня. Словно между нами установилась за одно мгновение связь, некий мост, который не выходило построить многие годы до этого. А может, мы недостаточно пытались? Да и пытались ли вообще?

Неожиданно я ощутила движение у плеча и увидела неслышно подошедшего с другой стороны Арсения. Он стоял так близко, что тепло его обнаженной кожи просочилось через мою блузку, и я, вздрогнув, отшатнулась.

– Пап, ты должен быть сильным, – твердо сказал Арсений. – Марина скоро придет в себя, и она будет нуждаться в тебе, собранном и владеющем собой. Ты просто обязан быть спокойным и поддержать ее, как всегда и делал.

Я нахмурилась, удивленно глядя на Арсения. Наверное, первый раз я слышала, что он говорит хоть что-то без насмешки и циничного подтекста. Его слова звучали с настоящим чувством, и для меня это было тем более странным, потому что говорил он о моей матери. Видимо, многое и в самом деле поменялось в этом доме, пока меня не было.

Я была рада воспользоваться возможностью покинуть кухню, делая вид, что желаю оставить отца и сына наедине. Хотя с удовольствием сбежала бы не только с кухни, но и из дома и даже города.

Мои вещи все еще стояли у порога, и я потащила чемодан на колесах к лестнице. Но едва дошла до первой же ступеньки, как его ручку бесцеремонно выдернули у меня из ладони. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что это Арсений. Достаточно было и его запаха, от которого на моем лбу, похоже, моментально выступила легкая испарина.

– Я могу и сама, – слабо возразила я, понимая, что и этого делать не нужно.

Такие, как он, не делают ничего из желания просто помочь по доброте душевной. Скорее уж чтобы подчеркнуть даже в мелочах собственную значимость и слабость и никчемность других.

– Знаю, что можешь.

Этот хрипловатый голос всегда вызывал у меня странную смесь ощущений.

С одной стороны, любой мужчина, наверное, убил бы за умение звучать так. Кирилл уж точно был бы в обмороке и надолго захандрил от зависти. Такое ощущение, что этот мерзавец Арсений каждым словом пробирался под кожу женщины и дотрагивался до самой ее глубинной сущности, заставляя все, что есть в ней от первобытной, живущей на чистых инстинктах, похотливой самки, отзываться на эти чисто самцовые вибрации. А с другой стороны, этим же дико сексуальным голосом он произнес самые обидные и унижительные вещи, что я только слышала за свою жизнь. Так стоит ли удивляться, что вместо возбуждения во мне все сжимается, готовясь к обороне?

Не проронив больше ни слова, мы дошли до моей старой комнаты. Я развернулась, чтобы забрать у мужчины чемодан, но он просто протиснулся мимо меня внутрь и поставил его у шкафа-купе. Я, не желая оказываться с ним в одном замкнутом пространстве, топталась в дверях, ожидая, когда он уйдет.

С минуту Арсений стоял посреди комнаты и оглядывался, словно припоминая что-то, а я нервничала и потела, как чертова загнанная лошадь.

Наконец он двинулся ко мне, намереваясь уйти, и я шагнула в сторону, чтобы сохранить между нами максимум пространства. Но, естественно, уйти просто так он не мог. Это был бы не Арсений.

– Не хочешь хоть обнять меня, вроде столько лет не виделись? – спросил он, и я слегка вздрогнула.

Видение его сильных рук, блуждающих по моей коже, и невнятные звуки едва различимого шепота, говорящего о том, чего просто быть не может, будто толкнулись в мое сердце, заставляя его дернуться и испуганно рвануть в горло.

Не доверяя своему голосу, я просто покачала головой, стараясь удержать маску полного равнодушия на лице.

– Жаль. Я скучал по тебе.

И почему опять он звучит так, как будто говорит правду, а не готовится к очередной гадости?

Еще бы ты не скучал, братец. Столько лет тебе было не над кем глумиться при любой возможности и безнаказанно отравлять жизнь.

Арсений вышел, и я едва сдержала облегченный вдох, закрывая за ним дверь. Но в последнюю секунду он уперся в нее рукой, и наши лица оказались в считанных сантиметрах друг от друга.

– Скажи, ведь если бы не это несчастье, ты бы еще долго не приехала?

Хорошо мне знакомая злость сводного брата прорвалась в его голосе.

– Скорее всего, так, – ответила я, прочистив горло.

Он еще с полминуты смотрел в упор, и я видела, как темнеют его серые глаза, становясь по цвету больше похожими на тяжелые грозовые облака.

– Ты вообще когда-нибудь собиралась вернуться?

Уже не вопрос, а буквально требование ответа.

Только я не та девчонка, что робела от этих ноток в его голосе. Вздернув подбородок, я глянула на него прямо, вкладывая в этот взгляд всю смелость, которую воспитала в себе за годы вдали от дома.

– Ясно, сестренка.

Арсений резко отстранился, отпуская дверь, и она захлопнулась. Я на дрожащих ногах пошла в душ и, смыв с себя дорожную грязь, повалилась в постель и моментально заснула.

Глава 2

Арсений

Мне хотелось ударить в захлопнувшуюся перед носом дверь так, чтобы от нее только щепки остались. Явилась! Еще хуже и холоднее, чем была! Не-е-ет, никакая она не Царевна-лягушка и не Василиса Прекрасная, а самая настоящая Снежная Королева! Глаза эти... Как два осколка изумрудного льда, такие острые, что, кажется, препарируют меня, вскрывая до самого глубинного нутра.

Василиса. Васенька. Чертова Васька! Да одно звучание этого имени с самого первого раза, когда только услышал его от отца, выводило меня из себя. Еще бы. Мало того, что, встретив ее мать, он практически перестал бывать дома, бросая меня на бабу с дедом неделями напролет, так еще и спустя год поставил перед фактом, что мы переезжаем. Будем, видите ли, теперь жить эдакой дружной семейкой в зачуханном городишке у моря в милом особнячке. Меня кто-то спросил, зачем и куда этот переезд упирался? Как будто мне недостаточно было его бесконечных разговоров о «чудной» девочке Василисе, которая вся из себя такая красавица и умница, и художница, и ответственная, и все такое прочее! Ну, правильно, я-то никогда не был таким, как отец хотел, – так, раздолбай, бездельник и бездарщина, сплошное разочарование для родителя. Мне всегда казалось, что, отчитывая меня, он едва сдерживается, чтобы не сказать, что во мне берет верх дурная кровь моей матери. Сейчас, годы спустя, я знаю, что во многом был не прав. Да, собственно, во всем. Но тогда... Мне было почти шестнадцать, и меня поставили перед фактом: придется оторваться от всего знакомого – от компании друзей-подружек, где я был звездой, бросить секцию бокса, школу, в которой у меня была определенная репутация, заработанная частыми драками, прогулами и прочим непосильным трудом, и переехать черт-те куда. Я был обижен и даже взбешен и намеревался испортить окружающим жизнь в сто раз больше, чем они мне. И, само собой, еще даже не будучи знакома со мной, «чудная девочка» Василиса заочно оказалась моей целью номер один. Васили-и-иса. Кто сейчас вообще называет так девчонок?!

Наша первая встреча произошла прямо перед тем, как усесться за новогодний стол. Когда отец встретил меня в аэропорту, я был настроен уже соответственно. Мерзким казалось все вокруг. Улицы – узкие и кривые. Домишки – как на дурацких пасторальных картинках. Море – серое, как свинец, и даже на вид такое холодное, что зубы сводит. И что это за зима, когда снега нет и в помине, а только слякоть и пробирающий до костей ветрюган? Короче, куда ни глянь – все паршиво и становится только хуже.

Дом, правда, оказался большим и выглядел даже снаружи довольно круто. Но хрен бы кто от меня тогда это услышал. Я, скривившись как от лимона, вошел внутрь, презрительно окидывая все взглядом.

– Сеня, я надеюсь, ты не будешь вести себя, как капризный младенец, и не расстроишь своим поведением Мариночку и Васеньку? – спросил отец в прихожей.

– Что ты, пап, как можно? – фыркнул я, скрывая язвительность в своем голосе. – Разве можно обижать чудную девочку и ее мамочку?

Отец, похоже, не слишком мне поверил и посмотрел своим тяжелым взглядом, который я называл «для подчиненных». Со мной это никогда не срабатывало.

– Сень, прояви терпение. Мы теперь одна семья. Я очень счастлив с Мариной и рассчитываю с твоей стороны хотя бы на понимание. Просто попытайся поладить с ними, и, поверь, тебе тут понравится. – Уже не просьба, а завуалированный приказ.

Ага, понравится! Держите карман шире! Но, блин, как бы там ни было, отца я люблю и попробовать согласен. На ком сорвать злость всегда найду.

Нам навстречу вышла стройная женщина в красивом бежевом платье и цветастом фартуке. Все заготовленные колкости и язвительные слова застряли у меня в горле. Черт возьми, я понимаю теперь отца на все сто. Она была необыкновенно красива. Причем такой красотой, при виде которой даже у такого пятнадцатилетнего дурня и патологического хама, как я, появилось желание подсуесться и... ну, не знаю, закрыть собой от внезапного сквозняка, подвинуть там стул или поддержать за ручку, чтобы, не дай бог, не оступилась и не упала. Ну, что-то вроде того, когда видишь существо такое эфемерное и нежное, что с первого же взгляда испытываешь желание оберегать от всего вокруг, чтобы ничто не могло нанести вред этой хрупкой красоте. Был бы помладше – посчитал бы ее сказочной феей, а так-то просто завис.

– Наконец-то. – Голос тихий, словно журчащий и создающий внутри ощущение тепла и уюта. – Я Марина. Арсений, я так рада с тобой познакомиться.

И протянула мне свою узкую ладонь, утонувшую в моей уже тогда немаленькой лапе с набитыми костяшками. Я пожал ее так, словно боялся сломать или оцарапать мягкую кожу мозолями от «железа», которое таскал в качалке.

– Кхм, я тоже рад, – прочистив горло, ответил я. – Только, наверное, будет лучше, если я буду к вам обращаться по имени отчеству?

– Да не стоит! Я не настолько старая. – И Марина улыбнулась той улыбкой, на которую всегда невольно отвечаешь, потому что она искренняя и по-настоящему добрая.

– Ты, видимо, хочешь принять душ, прежде чем мы сядем за стол? Максим, ты же покажешь Арсению его комнату?

– Да, мы справимся, Мариночка.

Впервые в жизни я наблюдал, как мой отец пялится на женщину и явно не может оторваться, улыбаясь как великовозрастный болван. И осудить его у меня при всей злости на эту проклятую ситуацию с переездом язык не повернулся бы.

Кажется, он, действительно, наконец счастлив, и кто я такой, чтобы портить ему все это?

– А где Васенька? – спросил отец. Ну вот, началось!

– Да где-то на улице, заканчивает наряжать пихту в садике. Сейчас я крикну через окно, чтобы шла домой.

Отец проводил меня до комнаты. Ничего так, светло, много места, жить можно. Хоть и немного пустовато.

– Здесь только основное, Сень. Марина сказала, что остальное мы должны покупать, учитывая твой вкус и пожелания. – Хм, кажется, я влюбляюсь в новую женщину моего отца. – Давай скоренько, мы ждем тебя, чтобы садиться за стол. Уже полдесятого.

Приняв душ и переодевшись в любимые старые джинсы и футболку с черепами, я спустился вниз на голоса. И прямо в дверях гостиной состоялась эпичная первая встреча с моей вновь обретенной сестренкой. Мы столкнулись нос к носу, и первое, что я увидел – испуганно распахнутые здоровенные зеленючие глазищи за толстыми стеклами уродских очков. Потом я обзрел личико со впалыми щеками и раскрытый во вскрике рот. Немного большеватый для такого аккуратного и худенького лица.

Девчонка отскочила от меня, как обожженная, и я получил возможность оценить всю картину. Ну, что сказать. Дочка, увы, пошла не в маму. Одни острые углы и торчащие кости там, где у нормальной девчонки должны быть хотя бы намеки на округлости. Да уж, не повезло с сестренкой, так не повезло. Хотя чего я ждал после всех восхищенных «охов» и «ахов» моего отца, что она вся такая умная и талантливая? Все в природе, типа, взаимосвязано. Одним красота, другим ум и таланты. Хотя я, само собой, в девчонках ценил первый вариант. Со своей порядком надоевшей девственностью я расстался за пару месяцев до этого со студенткой-репетиторшей по английскому, которую нанял отец. В английском у меня особых успехов не случилось, но зато я открыл для себя много гораздо более увлекательного, чем обороты иностранной

речи. Молодая училка тоже была впечатлена моей скоростью обучения и креативностью мышления, но мне быстро надоело пробовать себя только с одним единственным инструктором, так сказать, потому я пошел вразнос и с тех пор весьма успешно наращивал свой опыт и счет.

– А-а-а, вот вы, наконец, и встретились! – раздался голос моего отца, прерывая процесс моего разглядывания неприглядной действительности. – Васенька, познакомься, это Арсюша.

Я скривился. Ну, понимаю, когда он так называет меня наедине. Но перед девчонкой, пусть и такой... Моя новая сестрица вспыхнула и потупила глазки. Еще бы, я-то знаю, что девчонки ведутся на меня, как мартовские кошки. И эта такая же, даром, что мелкая. Вот теперь еще будет у меня влюбленная липучка-сестрица, таскающаяся за мной повсюду. И если от других можно хоть дома спрятаться, когда надоедают, то эта станет мельтешить перед глазами постоянно. Ну и ладно. Будет на ком отыгрываться в плохом настроении.

– Ну, здравствуй, Василиса Прекрасная, – сказал я, стараясь, чтобы насмешка не звучала слишком уж отчетливо.

– Здравствуй, – еле пролепетала она и быстро мазнула по мне взглядом, тут же покраснев еще гуще.

Так и есть. Влипла с первого же взгляда, дурище. Вот засада!

Мы провели несколько часов за столом, и я то и дело ловил Василису за робким разглядыванием, и она порядком этим достала. Поэтому, когда она сказала, что уже пойдет спать, решил, что тоже пойду. Слушать болтовню отца и Марины было скучно. Кстати, в жизни не видел моего отца говорящим так много, как, впрочем, и непрерывно улыбающимся. Я догнал девчонку на лестнице и, обгоняя, бесцеремонно толкнул плечом,

– Подвинься, лягушонка костлявая! – фыркнул я.

– Что? – замерла она, распахнув свои зеленые глазищи. Вот уж хоть чем-то Бог сжалился и наградил.

– Что слышала! Старайся не попадаться мне на дороге, а то сшибу и не замечу! И не вздумай липнуть ко мне! – угрожающе произнес я, специально нависая над этим тощим недоумением.

– С какой это стати я должна к тебе липнуть? – нахмурилась она, прищуриваясь за стеклами очков.

– Да потому что я не слепой и вижу, что ты втрескалась в меня, как только увидела!

– Что?! – задохнулась она и даже покачнулась от возмущения. – С чего ты взял?

– Поверь, я знаю. Все вы такие одинаковые и предсказуемые. Но ты губу не раскатывай. На такую, как ты, я и в голодный год не позарюсь, Царевна-лягушка! – я вложил в свой голос максимум презрения и насмешки.

– Кому ты нужен вообще, хам! – вскрикнула она и понеслась в свою комнату, которая оказал прямо по соседству с моей.

– Я-то знаю, что всем нужен, а кто на такую, как ты, поведется, даже не представляю, – сделал я контрольный выстрел в спину и с удовольствием отметил, как вздрогнули худенькие плечики.

Я знал, что обидел ее, но не особо страдал по этому поводу. Девчонки всегда меня прощали, как бы хреново я с ними ни поступал. Достаточно было пары улыбок и капельки внимания, и они таяли, забывая все мои косяки и даже грубость. Поэтому я был уверен, что через день-два опять буду ловить на себе влюбленные взгляды сестренки.

Но оказалось, что тут я конкретно ошибся. Васька меня тупо игнорировала и на следующий день, и через неделю, и через две. То есть при отце и Марине она была вежлива до тошноты, хотя не произносила ни единого слова, выходящего за рамки прямой необходимости. Ее глаза, если и сталкивались с моими, то оставались равнодушными, так, словно я какой-то предмет мебели. Все остальное время она просто не замечала меня. Не отвечала на вопросы, сколько ни донимал. Не краснела от пристальных и провоцирующих взглядов.

Сначала я прямо был рад. Надо же, как быстро мне удалось избавиться от возможной проблемы в виде влюбленной младшей сводной сестры. Но постепенно это стало раздражать. Ну не привык я к столь долгому игнору со стороны девчонки. И наплевать, что она несимпатичная, и грудь у нее и не думает расти.

Я стал доставать ее настойчивей, постоянно нарочно пересекаясь, когда был дома и в школе. Но результат был прежним. За мной и моим новым другом Марком Зарицким таскались все сколько-нибудь привлекательные девчонки в школе, и только эта противная Васька делала вид, что меня и вовсе нет на белом свете.

И этого я ей простить, конечно, не мог.

Да, я был гад и знаю об этом. Но кто-то же тогда должен был стать моей жертвой, чтобы расплатиться за то, что я не хотел ни этого переезда, ни этого нового дома, а уж тем более никакой сестры. К тому же такой заносчивой, упертой заучки и ледышки. Да на ее месте мечтала оказаться любая девчонка в школе. Любая, но не Васька. И за это она и стала моей постоянной мишенью на следующие несколько лет.

– Арсений, ты на работу-то собираешься? – крикнул снизу отец, и я дернулся, понимая, что так и стою под дверью в комнату Василисы.

– Иду. Уже одеваюсь! – ответил я и пошел к себе.

На самом деле сейчас я стыдился себя того, пятнадцатилетнего. Но время обратно не повернешь. Я вел себя как говнюк тогда, потому что был совсем еще молодым и дурным и срывал зло на том, кто подвернулся под руку. Тогда моя злость была вполне объяснима, хотя, может, и не прощительна. Масла-то в голове еще толком не было. Но почему же сейчас, много лет спустя, холодный, безразличный взгляд Василисы так цеплял и выводил меня из себя с пол-оборота? Приехала из своей Москвы, вся из себя такая холеная и идеальная, что аж нутро сводит от одного взгляда. И держится, словно никогда ничего и не было между нами. Будто все, что я бережно храню в моей памяти, просто галлюцинация. Только я знаю, что это не так. Так и хочется ее встряхнуть хорошенько или, как в прошлом, зацепить словами побольнее, чтобы слетела эта маска Снежной Королевы. Потому как сам-то я, всего лишь пройдя за ней по лестнице, почувствовал, как воспаляюсь, и голова наполняется грязными фантазиями. Вот с какой скоростью работает мой мозг, если за ту минуту, пока мы поднимались, я в мыслях уже поймел эту ледышку, причем неоднократно и в самых что ни на есть разнообразных позах? Шлейф экзотического парфюма и собственного запаха Василисы, который эти пять лет так и не стерли из моей памяти, ударил в голову, моментально опьяняя, напомнил и невыносимые последние полтора года совместного проживания, и события тех последних часов, когда я ее видел.

Из головы просто вылетело, каким обжигающим холодом поливал меня на кухне ее взгляд и как подчеркнуто она соблюдала дистанцию. Забылись вся злость и обида от ее стремительного побега и игнор всех моих попыток связаться. И даже на секунду перестало быть важным, что там, в далекой столице, у нее своя жизнь, которая наверняка включает в себя и мужчин. По-другому и быть не могло. Василиса уже была красива, когда уезжала пять лет назад. А сейчас она просто ослепляла, завораживала, от нее перехватывало дух и мутилось в голове. Такая, как она, просто не могла быть одна. Подобную женщину нужно посадить под замок и стеречь круглые сутки, если хочешь сохранить для себя. И мысль о том, что кто-то, какой-то безвестный столичный хлыщ может считать ее своей, поднимала внутри мутную волну злости. Но прямо сейчас все это неважно. Имело значение только то, что вот она – здесь, дома, вернулась. А если ее мужик оказался тупым мудаком и отпустил ее сюда одну, то это его проблемы.

В своей комнате я, встав перед шкафом, расстегнул джинсы, освобождая упершийся в ширинку член, и зашипел от его болезненной твердости. Чертова Васька! Заноза! Зараза! Даже и понятия ведь не имеет о том, что творит со мной сам факт ее появления и осознания, что вот опять между нами только одна стена.

Обжигающе холодный душ стал очередным напоминанием, как «хорошо» мне жилось бок о бок с одной ледяной скульптуркой. Сколько их было, этих хреновых «закаливающих» процедур и даже вынужденных ночных купаний в ледяном море... Одевшись, я спустился вниз, где меня уже ждал отец, который снова говорил по телефону с медперсоналом.

– Как дела? – спросил я, видя, как напряглись его скулы.

– В данный момент без изменений. Но ухудшений нет. Прогноз пока благоприятный, – лишенным эмоций голосом ответил отец, слово в слово повторяя услышанное.

Не знаю уж, в который раз за последние сутки я это слышу. Не умею показывать, но меня тоже очень пугает болезнь Марины. И даже не потому, что я отчетливо вижу, что если мой отец потеряет эту женщину, то и ему самому конец. Мучительная обреченность читается в каждом его движении и взгляде, чего я не видел никогда прежде. Но дело еще и в том, что и мне подобная утрата нанесет удар в самое сердце. Мы за эти годы после стремительного отъезда Василисы очень сблизилась с Мариной. И не только потому, что только через нее я мог ухватить хоть крохи инфы о беглянке, заговаривая о ней как бы невзначай. Но и потому, что Марина сама по себе была очень хорошим, по-настоящему добрым и бесконечно мудрым человеком, прекрасно осознающим собственные несовершенства и отдающим отчет в совершенных ошибках. Она и мне помогла многое узнать о самом себе и пересмотреть отношение к жизни. Марина стала неким цементом, который скрепил наши уже почти развалившиеся отношения с отцом. Не знаю, как у нее так вышло, но эта хрупкая женщина сотворила то, что не выходило у нас – двух здоровых мужиков. Пришла и сделала нас семьей, а не двумя вроде родными, а по сути чужими людьми. Я никогда раньше не думал о ней, как о матери, которой у меня, собственно, никогда и не было. Но сейчас, когда неожиданно ясно проступила перспектива ее исчезновения из наших жизней, я вдруг осознал, до чего же близким человеком стала для меня, казалось бы, посторонняя женщина.

Само собой, что сегодня отец в офисе был практически бесполезен, но и оставаться ему в четырех стенах, ожидая известий, которых, скорее всего, не будет еще несколько дней, не стоит.

Закрутившись, я почти и не заметил, как прошла большая часть дня.

Поэтому, когда в четыре позвонила Лариска Талина, я поморщился, но ответил. Ларка у нас была источником инфы номер один в городе, а проще говоря – маниакальной сплетницей. Собирать и передавать подробности жизни других людей было ее самой сильной и, пожалуй, единственной страстью. Когда-то, еще в старших классах я переспал с ней пару раз, ну, может, еще разок в моменты моего алкогольного дайвинга, тогда я вообще не помнил, где и с кем. Благо необходимость предохраняться была как основной инстинкт, ничем не перешибешь, а то давно бы или нацеплял черт-те чего, или платил алименты. И опять же, спасибо Марине, которая медленно и ненавязчиво, каким-то непостижимым образом смогла убедить меня, что мои загулы ничего не решают в этой жизни, не снимают существующих проблем и даже не дают облегчения, а только похмелье и ощущение грязи снаружи и изнутри, и я перестал спускать свою жизнь в сортир.

– Приветствую, Ларочка. Что у нас еще случилось?

– Здравствуй, Арсюша, мимимишка ты моя, – затараторила она, и я скривился. – Слушай, мне сейчас только что звонила Ирка Смолина и божилась, что она Василиску Орлову в магазине видела, рядом с городской больницей.

Значит, все-таки Василиса решила сходить в больницу, хоть и знала, что не пускают. Но тут я могу ее понять. Просто постоять под дверью и услышать своими ушами заверения врачей и санитарок – и то приносит хоть какое-то облегчение.

– Ну? – спросил я.

– Что ну-то? Я ей сказала, что глюки у нее, а сама думаю, позвоню-ка тебе. Кто же лучше знает. Ты же ее брат.

Вот с некоторых времен ненавижу, когда нас братом и сестрой называют! Хоть и сам дразнил Василису постоянно нашим мнимым родством, но с ночи ее побега просто не могу вынести, когда намекают на наши семейные связи.

– Ну Арсю-у-уша! – заканючила Лариска.

– Что?

– Ну что, что! Василиска приехала или как?

– Приехала. – Вот, теперь через пару часов весь город будет в курсе, и даже те, кому и знать не стоит. Но что поделаешь, все равно узнают. Не сейчас, так завтра.

– И как она? Похорошела?

От воспоминания, насколько «похорошела» Василиса, у меня опять свело зубы и потянуло тягучей болью в паху, скапливая кровь в совсем сейчас не нужном месте.

– Такая же.

– Слушай, я читала в журнале одном, что она спит с актером одним, и они, типа, даже живут вместе гражданским браком. С Кириллом Ароновым. Это правда?

Мощная волна злости ударила в голову, ослепляя и заставляя резко выдохнуть, будто пропустил хороший пинок в живот в жестокой уличной драке. Я на самом деле никогда не пытался узнать такие подробности у Марины. Хотя вряд ли Василиса вообще с ней это обсуждала, слишком скрытна всегда была. И вот надо же, спасибо тебе, дорогая Лариса за бесценные сведения. Будто я без них прожить не мог. Черт!

– Понятия не имею, – прорычал я.

– Бли-и-и-ин! Ну что ты такой-то? Я же от любопытства лопну. – А вот тут я только за. – Этот Кирилл такой суперский. Я его на той неделе в новом боевике видела... не помню названия. Он такой красавчик, у меня аж дыханье сперло, когда он там с главной героиней в какой-то хижине любовью занимался. Боже, какое тело! В смысле у него. Слу-у-ушай, а ты не спрашивал, Василиска его не ревнует, когда он с актрисами этими в постельных сценах снимается? Они же голые совсем! А они жениться собираются или так и будут... – Я больше не мог выносить эту хаотичную бомбардировку вопросами, каждый из которых заставлял мелькать перед моими глазами черных мушек и желать удавить прямо сию секунду и саму Лариску, и этого гребаного Кирилла.

– Ларис, мне работать нужно. – Я отключился и, сделав несколько долгих вдохов и выдохов, все же не выдержал и швырнул в стену тяжелую подставку с ручками и карандашами. В стене появилась небольшая трещина, а ее содержимое рассыпалось по всему кабинету.

– Арсений Максимович, – робко постучала секретарша Света и заглянула внутрь. – Что-то случилось?

Ничего не случилось. Но случится обязательно.

– Ничего страшного. Я просто... уронил кое-что.

Света глянула на останки подставки и сочла за благо закрыть дверь с обратной стороны. Василиса, Василиса, похоже, ждут нас совсем не легкие деньки.

Глава 3

Василиса

Выспаться все же не случилось, так как спустя три часа меня разбудила мелодия сотового, которую мне Кирилл установил сам на себя. Сонно взглянув на его улыбающееся лицо на экране, я провела по дисплею пальцем.

– Привет! – хрипло пробормотала, опять закрывая глаза.

– Я тебя разбудил? Прости-и-и, – ответил Кирилл, привычно чуть растягивая слова своим чувственным голосом, который свел с ума столько женщин. – Просто это так непривычно, когда утром тебя нет рядом. Чувствую себя брошенным и озябшим. И ты мне не позвонила, когда прилетела. Я волновался.

– Извини, я думала, что ты уже давно спишь. – Я улыбнулась, представляя себе, как он сейчас сидит на кухне и немного дуется на меня.

– Ну и что, что сплю? Ты же знаешь, что ты важнее сна.

– Неправда! Твое лицо – это твой главный рабочий инструмент, так что оно всегда должно быть идеальным. А если ты будешь заспанным и с темными кругами под глазами, то это будет непорядок.

– Только лицо?! – Я почти видела, как Кирилл шутливо-обиженно выпятил нижнюю губу. – А как же мое великолепное тело, над которым я столь усердно тружусь?

– Ну, с ним-то от пары ночей недосыпа ничего не случится, – уверила я его, переворачиваясь и потягиваясь.

– Как все прошло? Он был там? – Тон Кирилла сразу поменялся.

Он единственный, кто знал всю правду обо мне. Каждую болезненную и неприглядную подробность, которую я никогда не рассказала бы даже маме. От него я не скрывала ничего.

– Да, он здесь. Поддерживает отца.

– И как ты? – Я услышала, как Кирилл нервно сглотнул.

– Нормально. Возможно, хуже, чем хотелось бы, но все же лучше, чем могло бы быть. – Я постаралась придать моему голосу немного оптимизма, хотя знала, что Кириюшу мне не обмануть.

– Хочешь, я прилечу? Прямо сегодня?

Я знала, что прилетит, стоит только позвать.

– Нет! Не думай даже! Ты не можешь срывать график съемок!

– Плевал я на съемки, если нужен тебе!

– Кириюш, прекрати! Я уже большая девочка и должна решать свои проблемы сама. Хоть иногда. Ты не обязан повсюду прикрывать меня собой. Это неправильно.

– Лисонька моя, неправильно, что ты сейчас черт-те где одна, когда в твоей жизни происходит что-то плохое. Но если ты считаешь, что все хорошо и мне приезжать не стоит, то я послушаюсь тебя, хоть и не хочу. Чем будешь заниматься сегодня?

– Поеду в больницу.

– Как мама?

– Пока никаких новостей. К ней не пускают, но я все равно поеду. Хоть побуду просто там, поближе. – Тоска и страх опять стиснули сердце как в кулаке.

– Ладно, мне нужно бежать, Лиса моя, – вздохнул Кирилл.

– Давай. Не опаздывай! – Я села на постели.

– Ли-и-и-ис?

– Что, Кириюша?

– Ты ведь вернешься? – Снова этот вопрос.

В одной фразе признание того, как нужны мы друг другу, и это согревает меня, даря знание, что есть у меня в этой жизни то, что никогда, надеюсь, не изменится. И в то же время это тревожит меня. Не знаю уж почему.

– Конечно, вернусь.

Мои долгие и навязчивые уговоры все же принесли свои плоды, и пожилая санитарка с широким веснушчатым лицом и доброй улыбкой сунула мне в руки халат, тревожно оглядывая опустевший ненадолго больничный коридор.

– Только разок глянуть, дорогая, а то мне попадет, – шепотом сказала она, и я молча старательно закивала.

Знаком она показала мне идти за ней и, подойдя к одной из дверей, открыла, останавливая меня на пороге.

– Дальше не ходи. Нельзя, пойми.

В палате стояли две кровати у противоположных стен. Мои глаза метались между двумя женщинами, лежащими на них. В первый момент я просто не могла даже узнать маму. Кожа на ее сильно осунувшемся лице была пугающего желтоватого оттенка и словно туго натянута, делая черты лица почти неузнаваемыми. Сердце сжалось так сильно, что я невольно схватилась за косяк. Не могла оторваться от этого такого родного, но при этом совершенно незнакомого лица, лишь краем сознания отмечая все провода и трубки, опутывавшие маму. Судорожный всхлип вырвался из меня, хоть я и обещала себе не сметь плакать, боясь накликать еще большую беду.

Какой-то звук привлек внимание санитарки, и она настойчиво потянула меня, закрывая перед носом дверь, пока мои глаза цеплялись за видение неподвижно лежащей мамы.

– Идем, милая, идем. Все хорошо будет. У нее прогнозы хорошие, доктор говорит, я сама слышала. – Женщина мягко, но настойчиво толкала меня к выходу из отделения.

Опомнившись и проглотив ком в горле, я попыталась сунуть деньги ей в карман халата. Но она крепко взяла меня за кисть, останавливая.

– Не надо, милая. Твой отец и так нас только что золотом не осыпает, лишь бы мы глаз с мамы твоей не спускали. Ох и любит он ее. Ей-богу, столько лет в больнице работаю, но никогда не видела, чтобы и молодые мужики так по женам-то убивались, а тут в возрасте вроде... Брат-то твой еле сумел его вчера забрать домой, а то он готов был и ночевать остаться прямо под дверями отделения. Такой большой, сильный мужик, а трясло всего, и белый был, как стена. Наш доктор уже боялся, как бы его рядом в кардиологию определять не пришлось. Так что ты не волнуйся, – решительно сказала она. – Зарплаты у нас небольшие, но мы же не хапуги, в самом-то деле.

Может, мне и хотелось бы сказать, что Максим Григорьевич мне не отец, но, думаю, это сейчас совсем неважно.

Выходя из больницы, я четко знала только одно – у меня нет ни сил, ни желания идти домой. Да и не был этот дом моим. Даром что прожила там столько лет. Дом – это место, где чувствуешь себя защищенной, в безопасности, куда можно вернуться откуда угодно в каком угодно настроении и не заставляя себя делать лицо или держать спину ровно и ожидать в любой момент гадкой подколки или мелкой и не очень пакости. Та единственная точка во всей Вселенной, где можно просто быть собой, не скрывая своих чувств и эмоций. Моим домом стал Кирилл. Без его ласковых, но сильных рук я чувствовала себя беспомощным подростком. Опять. Как много лет назад. Или потерянной в жизни юной девушкой, которая в одну сумасшедшую ночь потеряла веру в любовь мужчины и в дружбу и, в приступе гнева и отчаяния и желая в ответ причинить боль, совершила такую глупость, после которой оставаться дома больше было невозможно.

Неспешно бредя по извилистым улочкам, я бездумно скользила взглядом по табличкам с названиями улиц и номерами домов и в какой-то момент поймала себя на том, что невольно

напеваю старую песенку Антонова – наименования были точно как в модном тридцать лет назад советском шлягере: Абрикосовая, Виноградная, Широкая, переулочек Узкий... Вдыхая аромат буйно цветущей вишни, вспомнила свой разговор с Кириллом, жаловавшимся на мерзкую столичную слякоть, сменяющуюся ночным заморозком. Он с тоской смотрел на то, как я одевалась в дорогу, так привычно мною любясь и говоря, как будет мерзнуть без жаркого женского тела под боком в такую промозглую погоду. Возможно, кто-то бы и мог сказать, что, оставляя Кирилла одного, я рискую, но я не волновалась. Точно знаю, что моего места рядом с ним никто не займет. Как и его рядом со мной.

Наконец я спустилась к самому морю. В детстве, гоня на велике везде, где только можно было, я еще совсем мелкой девчонкой облазила весь Зеленый Мыс, с которого так хорошо были видны вся бухта, городская набережная и самый центр моего небольшого любимого городка. Сейчас самое время наслаждаться здесь тишиной и покоем. В сезон наедут отдыхающие со всей страны, и о спокойном отдыхе можно будет забыть до середины сентября: круглосуточные «ЧОрнИе глаза» и «КайфуИм» будут литься из всех динамиков каждой летней кафешки, смешиваясь с ароматами жарящихся на мангалах шашлыков и вкусом морской воды на губах.

Легко спрыгивая с камня на камень и стараясь не замочить ноги в ластящихся волнах, я добралась до своего любимого тайного местечка и не удержалась от громкого стога разочарования: ушлые арендаторы и здесь успели поставить какую-то халабуду с признаками общепита. Ну, халабудой, конечно, назвала эту уютную кафешку только от бессильной злости – на самом деле заведение выглядело очень... стильно и загадочно, пожалуй, другие определения тут трудно было подобрать: почти крошечное помещение, больше похожее на пещерку, всего на пять-шесть круглых кованых столиков, напомнивших мне средиземноморские ресторанички, на таких же тяжелых кованых стульчиках – яркие вышитые подушечки, пол выложен цветной мозаикой, рядом с кафешкой – огромный навес с длинными лавками и столбиками с крючками непонятного назначения. И еще пахло нереально вкусным кофе – натуральным, явно сваренным на песке по-восточному. Подойдя поближе, увидела совершенно нетипичную для нашей местности компанию молодых людей, на столике только чашки с чаем и кофе, ароматные сухофрукты, минералка и куча плиток шоколада: черного, белого, молочного. Мальчишки и девчонки одеты в умопомрачительно яркую одежду, от которой рябило в глазах. Один из ребят обернулся, и я с удивлением поняла, что не так уж и молод этот бритый под ноль «мальчик» – лет тридцать пять, не меньше. Он вытаращился на меня, потом покрутил головой, явно оглядываясь на тропинку, ведущую к кафе с другой стороны, и наконец произнес:

– Эгей, Русалка, ты откуда здесь взялась? Я уже полчаса на тропку пялюсь, не спуская глаз, жену жду.

– Так вон, через камушки, – растерянно ответила, изучая собеседника.

Теперь на меня обернулись уже все сидящие за столом, делая ситуацию еще более неловкой. И я снова отметила, что мальчишками и девчонками они показались исключительно из-за своей фриковской одежды, звонких голосов, атмосферы абсолютного позитива и просто брызжущей во все стороны радости.

– Присаживайся к нам, Русалка, щаз тебе Геша кофейку сварганит фантастического – с кардамоном и корицей. Геша, мухой метнись, – произнесла улыбчивая девушка в кислотно-зеленой бандане и с кучей таких же «вырви-глаз» шняжек на шее и руках, потрясающе гармонично смотрящихся на ее гладкой загорелой (и это в конце апреля!) коже.

– Простите, у меня с собой нет денег, – попыталась отказать я, хоть врать и было неловко. Но неожиданно оказаться в компании совершенно незнакомых людей было еще более некомфортно.

– Разве кто-то говорил о деньгах? – подмигнул третий хиппи-фрик, притягивающий взгляд к своей персоне несуразной вязаной фигой на голове, больше всего напоминавшей формой фригийский колпак дурацкого ярко-розового цвета.

Заметив ошарашенный взгляд неожиданной гостьи их компании, он ехидно ухмыльнулся и вкрадчиво спросил:

– Нравится? – не дождавшись моего внятного ответа, ответил сам себе: – Как может не нравиться шапка для каталки, связанная из бывшей шубки Барби любимой дочей!

– Цыпа, ты же потеряешь этот колпак за пару каталок, перед дочей не стыдно? – спросил бритый.

– Не-а, я ей сразу сказал, что он может в воду слететь и утонуть, а она захлопала в ладоши и сказала, что, мол, значит, она будет вязать разноцветные колпаки дельфинчикам, а я на каталках, как почтальон, буду им доставлять посылочки.

Все расхохотались, а колдующий за барной стойкой Геша крикнул:

– Шон, ты виндгуру зырил? Что там завтра с ветром, не слился?

– Та-а-а, он не то что не слился, по утрам штырить будет неподдеки, – ответил бритый мужчина, отличавшийся от остальной компании простотой одежды, суровым взглядом и неуловимой аурой невыпячиваемой брутальности. Включил планшет, с минуту что-то проверял, потом перебил начавшую что-то рассказывать загорелую девушку:

– Но сегодня буквально через полчаса есть шанс потрамвайть на двенашке, если не запаришься махать ею. Начнет раздувать, не пропаешь.

Я моргнула, переводя взгляд с одного на другого в растерянности.

– А завтра-то сколько будет? – заинтересовался еще один, блин, вот не парень он, явно мужик уже взрослый, а выглядел со своими накачанными руками и кубиками, проступающими сквозь ткань футболки, получше раскрученных звезд столичного бомонда.

– Завтра шторм, да на мысу при тягуне еще и повернет на отжимняк, ваще не вариант, даже на девятке в Турцию утащит в пять сек, – покачал головой бритый. – Завтра только Седой, наверное, бахать будет. Так что тащи свою Светулю с камерой, только у нее получается нормально снимать труки.

– А... А вы кто? – несмело спросила я, не уловив смысла в последних фразах ни на грамм.

Как будто я сидела в компании людей, говоривших не на русском, а как минимум на древней латыни – вроде корни общие улавливаешь, а суть беседы теряется. Народ заржал, по доброму абсолютно, так что мне самой захотелось к ним присоединиться в этом гоготе.

– Мы кайтеры, детка, – ставя передо мной чашку, исходившую умопомрачительным ароматом кофе со специями, улыбнулся тот самый Геша, которого мухой послали за барную стойку варить волшебный напиток. Он присел рядом на корточки, заглядывая мне в лицо снизу вверх: – Ты знаешь, что такое кайтсерфинг?

– Ну, я знаю, что такое серфинг и виндсерфинг.

– Ну вот, а это практически та же фигня, только вместо паруса, впендюренного в доску, мы используем воздушных змеев, пристегнутых к специальному поясу. Ты куда-то торопишься?

– Нет. Мне некуда торопиться, – покачала головой.

Действительно, куда мне особо пойти?

– Тогда посиди с нами, Машка скоро трамвайть будет, а может, и на труки хватит ветра. Вот и посмотришь, по крайней мере, самое простое, что можно сделать при нестабильном ветре.

– Геш, ну че ты грузишь ее, объясни по-человечески, – нахмурился бритик.

– Вот начнет Машка раздуваться, я все и покажу, и расскажу, как я на пальцах это объяснять должен? – огрызнулся местный бариста.

Надо сказать, кофе он сварил такой, что Кирилл не отпустил бы его живьем, не выпытав до последней запятой рецепт чудодейственного напитка.

– Ты сухофрукты бери, это жена Шона делает сама, мы тут после каталки так прям деремся за них, – сказала та самая загорелая девушка. – Мужики, я пошла потихоньку раздуваться, Геш, можешь глянуть патсы, а то мне прошлый раз показалось, что я из них вылетаю.

– А ты учишься у Седого, он вообще без патсов катает и ни разу при этом матчасть не потерял, как некоторые, – пробурчал Геша в спину удаляющейся приятельницы. – Уж посмотри, куда я денусь.

– Я чувствую себя тупой инопланетянкой, – проворчала я, разомлев от кофе и действительно потрясающих домашних сухофруктов – такого лакомства не купишь даже в самых элитных столичных супермаркетах, вот уж точно.

– Скорее, это мы инопланетяне, – с улыбкой ответил мне бритый Шон. – Пойдем, пока Геша занимается креплениями для ног на Машкиной доске, именно они и называются патсами, в которые ты просовываешь ступни, чтобы не потерять во время движения и трюков, так вот, пока он их смотрит и подтягивает, пойдем к Машке, посмотришь, как змея готовят к взлету.

Следующие минут пятнадцать-двадцать я наблюдала, как Машка обыкновенным насосом накачивает перпендикулярные баллоны огромного воздушного змея – кайта, лежащего смирно на мелкой гальке пляжа. Потом они с Шоном аккуратно расправляли длиннющие тонкие стропы, крепящие сам кайт к широченному плотному поясу на талии, больше похожему на половину пуленепробиваемого жилета. Потом Машка убежала за огромный валун, скрывший ее от глаз на десять минут, и вышла уже одетой в длинный гидрокостюм, сверху на который она напялила яркие желтые шорты и пеструю гавайку.

– Кхм-кхм, я, конечно, дико извиняюсь, но зачем эта одежда сверху на гидрокостюм? – подняла я в удивлении одну бровь.

– Кайтер должен быть модным, – пожал плечами Шон. – Это только суровые виндсерферы катают в гидрачах, а мы любим кураж и не хотим выглядеть эдакими обтянутыми жабчиками. За эту нашу модность они считают нас педиками, а мы не пускаем их на этот наш спот.

– Прям война Алой и Белой роз, – рассмеялась я.

Шон взглянул на меня неожиданно потеплевшим взглядом и совершенно серьезно сказал:

– Спасибо.

– За что? – изумилась я.

– За то, что сказала именно это, а не сравнила, например, с «Игрой Престолов». Теперь мне понятно, ты – наш человек, мы будем рады тебя видеть здесь.

– Шо-о-о-он, подкинь! – прокричала удалившаяся на длину строп Машка.

Шон подошел к кайту, ловким движением перевернул его и приподнял над галькой. Ветерок, казавшийся мне таким легким, почти незаметным, вцепился в кайт, как оголодавший пес в сахарную кость. Машка подхватила поднесенную ей Гешей доску и показала Шону большой палец. Бритик отпустил дрожавшего в его руках змея, и тот моментально взмыл на высоту трехэтажного дома.

Целый час я стояла на берегу, глядя на катающую Машку. Мужики по очереди подносили мне то плед, чтобы укутаться, то кусок шоколада с чернющим, почти непрозрачным чаем, то просто стояли рядом и объясняли на более-менее человеческом языке, что именно делает в данный момент оседлавшая ветер всадница. А у меня все внутри обмирало и дрожало от потрясающего действия. Казалось, это я там борюсь с ветром и волнами, это я взрываю над морем и парю на своем собственном крылатом драконе. Мое тело словно отрывалось от каменистого берега, на котором я стояла, наполняясь адреналином и отодвигая все проблемы и переживания в какую-то параллельную реальность. Когда Машка вышла на берег и опустила змея в руки Шону, я подошла к ней и прямо мокрую обняла. Никогда я не была склонна к каким-то спонтанным выражениям чувств, но в этот момент как сама не своя была.

– Ты не представляешь, какой это кайф и драйв, – рассмеялась та, обнимая меня в ответ. – Ты обязательно должна попробовать когда-нибудь. Приезжай летом в Благу, мы там постоянно зависаем, там у нашего хорошего друга кайт-школа, он любого поставит на доску. А уж если тебе понравилось, то тем более – через неделю будешь по крайней меня трамвайть, без труктов, но это – сама понимаешь...

– А труки – это как? Еще круче?

– Самые крутые труки мочит Седой. Он завтра здесь катать будет. Знает, что никто не полезет в воду в такой ветер. Точно приедет, – сказала появившаяся за это время симпатичная рыжеволосая женщина с уже заметно округлившимся животиком, ведущая за руку златокудрую малышку, и без перехода добавила: – Привет, красотка, ты новенькая на нашем безумном чаепитии? Я жена Шона, зови меня просто Рыж, – доброжелательно улыбнулась мне она и повернулась к Шону: – Любимый, давай завтра все вместе приедем, Светуля поснимает, а я потом ролик сделаю с Седым на музыку «Muse». Вот очень он мне именно на нее укладывается, – женщина положила узкую изящную ладонь на загорелое предплечье Шона.

Дальше я практически не слышала, о чем говорили эти ставшие такими вдруг близкими совершенно незнакомые люди. Все болтали, смеялись, подшучивали друг над другом, играли в «камень-ножницы-бумага» и «скрабблы» с серьезной шестилетней юной леди... А в голове у меня стояло видение узкой женской ладошки на загорелой мужской руке и непередаваемое ощущение близости, которое было совершенно отчетливым в этом простом жесте.

Острая зависть, не жгучая и черная, а светлая и тоскливо звенящая, наполнила меня. Так, когда смотришь и ловишь себя на одной единственной мысли. Я тоже хочу такого. И тепла, и близости, и чего-то еще, неуловимо чувственного и интимного, что было между этими двумя. Хочу, но никогда, наверное, не получу. Потому что я не наивная. Для близости, подобной этой, нужны двое, способных раскрыться до такой степени друг перед другом, что не остается ничего спрятанным, закрытым. Ничего про запас или на потом, на тот случай, если человек окажется не таким, каким казался. Для этого нужна смелость, а я труслива и боюсь боли. Не всегда так было, но толку-то вспоминать? Измениться я уже никогда не смогу, потому что буду бояться, оглядываться и пытаться прикрыть спину, ожидая, что в любой момент все хорошее рассыплется на глазах, разнося душу в клочья.

Вечно буду прятать часть себя, ожидая боли в любой момент, и это самое ожидание начисто убьет возможность рождения доверия. И не стоит даже думать об этом, потому как это словно хождение по замкнутому кругу. Внутри моя зона защищенности, мне там удобно и комфортно, там меня никому не достать. Но чтобы в жизни появилось что-то, кроме безопасности, нужно выйти наружу или впустить кого-то внутрь. А я этого не хочу. Больше не хочу. Может, и трусливо спастись от боли подобным образом, но это то, что я делаю.

– Хочешь еще кофе или пуэра? – Геша появился рядом, выдергивая меня из размышлений.

– Пу... чего?

– Пуэр-туо-ча, наш любимый чай, который ферментируется в земле несколько лет. От него бодряк нереальный, – рассмеялась Машка. – Нас к нему Цыпа приучил после поездки во Вьетнам.

– Нет, спасибо!

– У тебя лицо знакомое, где я мог тебя видеть?

Внезапный Гешин вопрос заставил меня занервничать.

– Я пойду, пожалуй, а то холодает к вечеру, – неопределенно повела я плечами. – Спасибо вам за все.

– Посиди с нами еще! – потянулась ко мне через стол Маша. – Тебе ведь это нужно, я вижу. Я тебе куртку дам, завтра вернешь, когда на Седого приедешь посмотреть.

Мне и на самом деле не хотелось уходить, но это не мой мир, и нечего притворяться.

– Не уверена, что приду.

– Почему нет? – почти расстроено спросил Геша. – Тебе ведь понравилось, я вижу!

– У меня просто может не оказаться времени, – я прижала руки к сердцу, прощаясь и благодаря.

– Время никогда не проблема, если есть желание, – Геша поднялся, похоже, намереваясь проводить меня.

– Возможно, так и есть.

Расцеловавшись и наобнимавшись со всеми, мы с Гешей пошли по моему привычному с детства пути, перепрыгивая с камня на камень.

– Ты не Русалка, ты прямо газель! – рассмеялся парень, постоянно стараясь подстраховать меня.

– Спасибо, что проводил. Дальше я сама. Тут недалеко.

– Ты местная? – Он наклонил голову набок, искоса поглядывая на меня.

– Раньше была. Теперь нет, – пожалала я плечами.

– Приходи завтра. Не пожалеешь. Если Седой будет, то такого ты нигде больше не увидишь.

Кто этот Седой, что все о нем только и говорят. Мне представлялся суровый мужик, постарше брутального Шона, с обветренным темным лицом и с таким же подтянутым и тренированным телом, как у всех мужчин здесь. Эдакий мрачный и загадочный морской волк.

– Не знаю. Может быть.

Хотя... почему нет? Я повернулась, чтобы уйти.

– Эй, Русалка! – окликнул меня Геша. – А если не придешь, есть у меня шанс еще как-нибудь угостить тебя кофе? Я знаю много рецептов!

Я улыбнулась.

– Вряд ли. Хотя кофе и правда из области фантастики!

– Ага! Там еще секретный ингредиент был. Типа, приворотное зелье, – рассмеялся Геша и добавил замогильным голосом: – Кто попробовал раз, будет приходить снова и снова. Так что жду тебя и завтра, и не только завтра, Русалка!

Я махнула рукой и пошла вперед, все еще не в силах перестать улыбаться.

Подходя к дому, заметила, что все окна были темными, и только внизу в гостиной виднелся мягкий свет.

Стоило только войти, Арсений появился в дверном проеме и буквально обшарил меня взглядом.

– Что, не прошло и суток, а ты нашла, где развлечься? – говорил он совершенно спокойно, но я знала, что за этим прячется. – Где ты, черт возьми, была?

– Не думаю, что... – начала я, но он перебил меня.

– Мы с отцом волновались! Неужели ты думаешь, что сейчас у нас и так недостаточно поводов для беспокойства? Так трудно просто дать знать, где тебя носит?

Да какого черта?

– Я взрослый человек и не обязана ни перед кем отчитываться в том, где я и с кем! – вспыхнула я. – А уж тем более перед тобой! Забудь те времена, когда ты имел возможность постоянно лезть в мою жизнь.

Я прошла мимо него прямо к лестнице, не собираясь продолжать глупый спор.

– Ну, это спорный вопрос, Василиса Прекрасная! – огрызнулся он.

– Не о чем тут спорить. И прекрати называть меня так. Это глупо и по-детски, – не останавливаясь, бросила через плечо я.

– Ты ужинать будешь? – спросил Арсений в спину.

– Нет. Я не голодна!

Я явственно услышала, как он сдавленно ругается.

– А, понятно. Романтический ужин с продолжением, судя по твоему виду? – злобно фыркнул он. – Быстро ты нашла себе компанию. Что, жизнь в столице научила не упускать время понапрасну?

– Точно!

Я влетела в свою комнату и вихрем пронеслась в ванную. Замерев перед зеркалом, я поразила своему виду. Волосы растрепаны, отвыкшие от морского ветра щеки покраснелись, губы тоже выглядели обветренными и слегка припухшими. Понятно, почему у этого говнюка Арсения возникли подобные ассоциации. Я действительно выглядела как после бурного свидания. Но как бы там ни было, у него не было права так со мной говорить и тем более допрашивать меня.

Я разделась и забралась в ванную. Лежа в горячей ароматной воде, я вспоминала все события сегодняшнего дня. Пожалуй, я, и правда, пойду завтра к этим странным, но чудесным ребятам. Все не любоваться на недовольную физиономию Арсения.

Глава 4

Арсений

Я сделал несколько кругов по дому, стараясь успокоиться. Вот не собирался же я с ней ругаться! Хотел поговорить нормально! Хотя бы попытаться! Ну вот почему, стоит нам только два слова сказать друг другу, у меня словно какой-то предохранитель в мозгах вылетает начисто. Тот самый, что отвечает за фильтрацию изрыгаемого из моего рта. За последние годы я научился следить за тем, что говорю и даже думаю, и практически укротил свой дикий нрав. Долгие тихие беседы с Мариной открыли мне глаза на то, как я, походя и вроде даже не думая, умудрялся ужасно глубоко задевать людей за живое. Видно, у меня какой-то талант от рождения почувствовать и сказать то, что проймет и сокрушит любого парой фраз. В юности я с жестоким наслаждением постоянно пользовался этой способностью. Особенно когда дело касалось Василисы. Ну, что сказать – я был редким засранцем. Но сейчас, годы спустя, мне казалось, я научился справляться с этим глупым желанием хлестнуть словами побольнее. Работая с отцом, даже слегка лизать зад нужным людям приспособился. Что поделатъ – бизнес есть бизнес. Потом, когда становилось невмоготу, давал выход своей злости, либо избивая в хлам боксерскую грушу, либо осваивая совершенно новые способы сливать в окружающий мир излишнюю жажду борьбы, а заодно и получать нереальный кайф. Стихия – не человек, она не дает слабину и способна честно и примитивно выжать тебя досуха и дать в ответ не меньше, если только достоин и сумеешь взять. Я вроде как научился в совершенстве управлять своим языком.

Но вот стоило только увидеть эту зеленоглазую ледышку входящей в двери, растрепанную, румяную и с опухшими губами, и в мою бедную голову словно влетел тяжеленный шар для боулинга. Это что же получается, что такой Снежной Королевой она только для меня бывает? А стоит только выйти, и айс-беби тут же становится озером раскаленной чертовой лавы?

И кто, интересно, тот счастливый камикадзе, что ухитрился привлечь ее внимание и даже, похоже, добраться до желанного тела за жалкие несколько часов, что она провела в этом, мать его, городе? Она ведь не могла за это время успеть увидаться с этим гребаным засранцем Марком? Ведь нет? Но логика подсказывала мне, что город у нас не такой уж большой, намного меньше Ларискиной способности трепаться. Но ведь пять лет назад Василиса оставила его и сбежала, не оглядываясь, отдав мне перед этим нечто совершенно бесценное. Мне – не ему! И хотя я, по своему обыкновению, тогда все испортил, но неужели спустя пять лет она одумалась, пожалела и решила начать все с ним заново? Нет! Только не Василиса Прекрасная, не прощающая и не дающая второго шанса. Я сжал голову ладонями, стараясь выгнать весь тот бардак, что в ней приключился от одного только присутствия этой чертовки. А ведь еще и суток не прошло! Хватит себя накручивать и выдумывать то, чего нет!

Все эти картинки с Василисой и Марком – это просто черно-белые старые фотки из прежней жизни. Я позволяю воспоминаниям занять место реально возможных событий. Весь вечер я провел, думая, как подступить к разговору с этой мисс Айсберг. Блуждая после работы по супермаркету, я чисто машинально выбирал то, что она любила раньше, напрягая память и воскрешая детали. А потом сидел тут и ждал ее час за часом, накручивая себя все больше. На самом-то деле все, что мне от нее нужно, – это минут пятнадцать честного разговора, который даст мне ответы на мучающие меня уже пять лет вопросы. Ведь так? По-хорошему, вообще плюнуть и растереть на то, что случилось между нами тогда. Что такого-то? Примитивный акт, повторяющийся миллионы раз с начала времен. Все проходят через это и не страдают и не мучаются никакими вопросами. Почему же меня это никак не отпустит? Почему держит, мешая спать по ночам, не давая просто взять и пойти дальше? Вот у самой-то Василисы с

этим, похоже, никакой проблемы нет. Смылась в свою столицу и живет себе с этим лошеным актеришкой. Я даже не выдержал и нашел их совместные фото в сети. Стало еще паршивей. Не нужно было иметь до хрена ума и проницательности, чтобы увидеть близость между ними двумя. Рядом с ним Василиса смотрелась раскованной и даже счастливой, и это точно не игра на камеру. И этот Кирилл смотрел на нее с восхищением и даже обожанием. Еще бы, несмотря на всю свою внешнюю привлекательность, я бы сказал, просто приторную идеальность, придурок явно понимал, что за сокровище ему перепало. Он, небось, не изводил ее придирами много лет подряд и не лажал на каждом шагу. Не портил все, едва открыв рот, даже когда на самом деле хотел все исправить. И ему наверняка не нужно насилловать свой мозг в попытке найти способ показать Василисе Прекрасной, что он работал над собой и стал другим человеком.

Но, черт возьми, он и не жил с этой личной катастрофой через стенку много лет. Не наблюдал, как она из голенастой лягушонки превратилась в девушку, от взгляда на которую воздух в моих легких становился камнем, а кровь в венах – долбаным потоком раскаленного металла. Не чувствовал себя истязаемым каждое утро, ожидая ее появления за общим столом, где она замечала меня даже меньше, чем тарелку своих чертовых хлопьев, да и то, только если я нагло выхватывал их из-под ее хорошенького носика. Не мучился непроходящим стояком, наблюдая за ней украдкой, как вор. Не дробил раз за разом, представляя, что между нами нет этой проклятой стенки, и это она прикасается к моему телу. Не кончал, трясясь и скрипя зубами, стоя под теплыми струями воды, слушая, как в ее душе за стенкой шумит вода, и воображая, как по обнаженной шелковистой коже бегут капли, как выглядят ее соски, и какой она может быть на вкус, потому как запах я знал в мельчайших нюансах. Я мог натрахаться до изнеможения и буквально приползти домой под утро, тайком пробравшись по балкону, общему для наших комнат, но стоило остановиться перед стеклянной дверью в ее комнату, и я опять начинал ощущать себя тем самым лузером из греческого мифа, который мы проходили когда-то в школе. Не помню, что он там накосячил, но «добрые» боги наказали его тем, что он мог вечно есть, но никогда не чувствовал насыщения. Что-то типа того. Вот и я, облажавшись в самом начале, мог теперь сколько угодно пялиться и исходить слюной, но дотянуться не мог. Но не значит, что не пытался.

На самом деле то, насколько изменилась моя мелкая лягушонка, я заметил спустя года полтора совместной жизни. Было лето, и мы с Марком валялись на пляже. Лежали в засаде, можно сказать, лениво провожая взглядами поток проходящих мимо девушек, в поисках очередных жертв на ночь. Жизнь в приморском городе оказалась удивительно приятным занятием, особенно летом, когда тысячи желающих получить приятные воспоминания от отпусков молодых женщин расхаживали вокруг почти голыми. Мне весной уже исполнилось семнадцать, а Марк был на полгода старше, и мы оттягивались от души, стремительно повышая количество зарубок на воображаемых столбиках своих кроватей. Я пропадал целыми днями и ночами, приходя домой только чтобы помыться, упасть лицом в подушку, а проснувшись, переодеться и опять исчезнуть. С Царевной-лягушкой я не виделся по несколько дней, но, даже и столкнувшись едва, успевал отпустить пару колкостей, как она уходила, нагло игнорируя меня.

Я прикрыл глаза, устав пялиться на загорелые тела. Вечером нас ждала очередная отвязная тусовка, так что стоило вздремнуть, чтобы позже поддержать свою репутацию реального жеребца.

– Эй, братан, глянь, а это не твоя ли сестрица? – пробормотал Марк, и я приоткрыл глаз, ожидая увидеть привычное угловатое недоразумение в вечно висящей мешком одежде.

Но, пошарив глазами, ничего подобного не заметил и уже собирался сказать, что друг ошибся, как тут легкий ветерок разметал выбившиеся из косы пряди у стоящей неподалеку девушки. Солнце сверкнуло, высвечивая неповторимые переливы цвета в волосах. Все оттенки

золота – от красно-червонного, до почти белесого, выцелованного солнцем. Я всегда дразнил Ваську, говоря, мол, мать-природа не решила, какого цвета волосы дать такому недоразумению, вот она и носила их всегда заплетенными в тугую, толстенную косу. По совести говоря, нужно признать, что волосы у нее были замечательные – настоящее украшение, как и эти изумрудные ледышки-глаза, но хрен бы я признал это тогда. Но в тот момент, увидев переливы, словно волшебным ореолом окружившие ее лицо, я подавился воздухом. Василиса стояла напротив тощего, долговязого парня, который, судя по бледноватой коже, совсем недавно приехал на отдых. По сравнению с ним мы с Марком были неграми. Эта приезжая бледная немочь что-то втирал Ваське, лыбясь, как счастливый идиот, и не сводя с нее зачарованных глаз. А на ней вместо обычного какого-нибудь цветастого балахона было нормальное бикини нежно-голубого цвета, которое просто поразительно смотрелось на загорелой гладкой коже.

– Твою мать, когда она успела-то так измениться? – Марк, сглотнув, буквально жрал взглядом Ваську, а мне остро захотелось двинуть ему локтем в кадык, чтобы он надолго озадачился чем-то, кроме моей сводной сестры.

Потому что я в ту секунду как раз задавался тем же вопросом. Как я мог не заметить, что нескладеха, живущая через стенку и практически каждый день мелькавшая у меня перед глазами, стала превращаться в ТАКУЮ девчонку. Исчезли все острые углы, откуда ни возмись появилась маленькая, но потрясающе соблазнительная грудь. Чтоб мне сдохнуть, ей всего пятнадцать! Но уже сейчас каждая линия ее тела, каждый изгиб и впадинка притягивали взгляд намертво, настойчиво вещая, в какую ослепительную женщину она превратится спустя всего пару лет.

Васька рассмеялась над наверняка тупейшей шуткой дрыща, и звук ее искреннего смеха был как удар в грудь страшной силы. Опьяняющая волна жახнула в голову, смешивая все мысли. Вот оно, значит, что имеют в виду, говоря «голова закружилась от возбуждения». Я смотрел на ее губы, на то, как она, смеясь, чуть откидывала голову, обнажая нежное горло, и чувствовал, как во рту случилась настоящая Сахара, которая совсем не результат вчерашнего похмелья. Скулы свело до онемения от того, как дико захотелось впиться в эту потрясающую кожу ртом и пальцами. Желание вцепилось в мой пах, и я почувствовал, что у меня встает, да так стремительно, что хотелось заорать от тягучей боли. Схватив полотенце, я скомкал его на своих коленях, чувствуя, как столь незнакомый моей наглой натуре стыд делает окружающую жару просто нестерпимой.

Да что же это, на хрен, такое? Это же Васька! Стремненькая, тощая, та самая мельтешащая передо мной каждый день сыкуха, что и была, я не могу захотеть ее! Ни при каких, млин, обстоятельствах. Но тут до меня опять донесся смех Васьки, и мой член дернулся под полотенцем, а яйца свела судорога, демонстрируя, куда я могу засунуть себе эти размышления. Рядом резко выдохнул Марк.

– Твою же ж мать, – тихо сказал он, – а она...

– Ты даже думать не смей в эту сторону, – рыкнул на него я.

– Да я же шучу просто, братан. Она же еще мелкая совсем, – примирительно произнес Марк.

– Ты это кому другому скажи, придурок озабоченный. – Я многозначительно опустил взгляд на его плавки.

– Упс! – заржал он. – Прости! Условный рефлекс, твою дивизию!

Явно страдая наклонностями самоубийцы, тощий воздыхатель Васьки протянул наглуую конечность и, поймав одну из непослушных прядей, нежным движением заправил ей за ушко, а потом как бы невзначай провел пальцами по ее шее. Хитрый, мать его, ублюдок! Мое возбуждение тут же обратилось в ярость, и кулаки сжались сами собой. Нацепив хреново полотенце на бедра, я пошел в сторону сладкой парочки.

– Эй, ты куда? – Марк вскочил и последовал за мной.

– Воспитательную работу проводить! – рыкнул я. – О вреде ранней половой жизни.

– А, ну да, в этом вопросе ты специалист, блин, равных нет, – продолжал ржать, как конь, мой друг, следуя за мной.

В этот момент Васька заметила нас, и ее глаза распахнулись сначала в удивлении и шоке. Но потом она, видимо, что-то разглядела в моем лице, и они сузились от ярости.

– Только посмей, – тихо и гневно сказала она, буквально убивая меня взглядом.

Что она имела в виду? Ну, может, то, что, придя в ее школу, я создал вокруг нее «мертвую зону». Дело в том, что я в первые же дни поставил на место всех прежних школьных «звезд» и воцарился, можно сказать, единолично. И на правах правящей особы запретил любой особи одного со мной пола даже близко подходить к моей «младшей и горячо любимой» сестренке. Не то чтобы я думал, что есть много реально желающих, это ведь лягушонка в коробчонке, но я видел, как это задевало и бесило Василису, так что мне по-любому бальзам на душу за ее домашний игнор. И вот сейчас она прожигала меня насквозь своими зелеными лазерами, явно понимая, что хорошего от меня ждать не стоит. Может, и так, но нечего шататься с какими-то подозрительными типами и хохотать над их тупейшими шуточками так, словно он величайший хренов комик в мире! Мне так и не улыбнется ни разу, а тут, надо же, как весело!

– Привет, ребята! – осканился нам этот недоделанный Задорнов, когда мы остановились рядом. – Вы, похоже, местные?

– Мы-то местные, чувачок, – одарил я его в ответ такой улыбкой, что акулы в нашем местном океанариуме должны были сдохнуть от зависти. – А ты, вижу, нашел нашу с Марком пропажу?!

– Заткнись! – очень тихо сказала Васька.

Ну, нет уж, хрен тебе, дорогая сестричка.

– Вашу пропажу? – захопал зенками бледный дрыщ.

– Ну да. Мы вчера втроем так отжигали, что просто чуть сердце не останавливалось. А сегодня утром с Марком глаза продрали, а наша-то Васенька пропала! – У лягушонки глаза стали на пол-лица, а рот раскрылся в возмущении. – Но теперь-то вижу, что ты, детка, решила для полного комплекта еще и четвертого найти? Понимаю тебя, котенок, ты за ночь выжала нас с Марком, ухайдокала вчистую. Ты уверена, что у парнишки здоровья-то хватит, солнышко?

Мой голос прямо мед в сахаре, и смотрел я на нее так плотно, что даже полному дауну все стало совершенно очевидно. Надеюсь.

Сзади сдавленно хрюкнул Марк, личико Васьки стало менять цвет и пошло пятнами, пока она судорожно хватала воздух. Дрыщ побледнел и, кинув на Ваську презрительный взгляд, пробормотал что-то невнятное и ретировался, как и не было. Васька очнулась и сначала беспомощно посмотрела вслед этому бледному придурку, в большущих глазах блеснули слезы. Я почувствовал прилив стыда, но он не затмил радости от того, как легко удалось спровадить этого любителя распускать ручонки. Не то что бы я постеснялся вырубить его, если бы пришлось, прямо на многолюдном пляже, но тогда меня опять ждали бы долгие и проникновенные лекции отца о моих поступках и умственных способностях.

– Что я тебе сделала? – выкрикнула Васька и, сжав трогательно маленькие кулачки, подступила ко мне. – Почему ты такой урод моральный?!

Голос ее дрожал, срываясь почти на визг, а взгляд обещал мне геенну огненную как минимум.

– За что ж ты так со мной, сестренка? – паясничая, закатил я глаза несчастно. – Я тут о чести твоей девичей пекусь, а ты на меня прям с кулаками!

– Да как ты смеешь! Прекрати лезть ко мне, идиот безмозглый! Что хочу, то и делаю! – выкрикнула она мне в лицо, буквально сгорая от злости. – Вот захочу и подцеплю себе прямо

сейчас какого-нибудь кобеля озабоченного, как ты, и буду с ним делать все то, что ты со своими девками делаешь! И являться тоже только к утру буду, через балкон!

Резко развернувшись, она, шмыгая носом, мотанула по пляжу, причем совсем не в сторону дома. Тут уж меня накрыл настоящий приступ злости. Мысль о том, что какой-то ушлепок будет делать с ней то, что творим мы с Марком иногда, и она это ему с радостью позволит... Ну уж нет! В пару прыжков я догнал ее и крепко ухватил за локоть.

– А вот это все вряд ли, мелочь лягушачья! – насмешливо зашипел ей в ухо. – Кто на такую, как ты, поведется, чтобы творить то, что я делаю с девушками? Так, может, поймут разок полустоячим, и то, если рядом никого посимпатичней не окажется!

Василиса дернулась, а из глаз брызнули слезы. Мой удар, как всегда, достиг цели. Худенькие плечи поникли, и она стала вырываться отчаянно, покраснев так, что краска залила не только лицо и шею, но и грудь. И неожиданно это снова ударило мне в голову тяжелой волной возбуждения. Захотелось сломить эти ее трепыхания и поцеловать так, чтобы она забыла, как дышать.

– Ты идешь домой и сидишь там тихо! – рявкнул на нее я, загоняя вглубь ненужные мысли.

– Отпусти! – рванулась Васька, но я только схватил поудобнее. – Ты мне никто! Не смей лезть в мою жизнь! Буду делать, что хочу!

– Замолкни, дурында малолетняя! Марк, забирай шмотье, надо эту бестолочь домой отвести и родокам на руки сдать!

Потом я волок упирающуюся Ваську домой, а она ругалась как сапожник и повторяла, как же меня ненавидит. Вот уж даже не знал, что эта тихоня и слова-то такие знает. А дома я сдал ее с потрохами отцу и Марине, добавив к реальности немного красок и изобразив заботливого старшего брата, который печется о моральном облике бедной сестренки. Немного красноречивых подробностей о том, что бывает с глупыми малолетками, которые шляются в одиночку с малознакомыми взрослыми парнями, дали нужные результаты. Я в своем рассказе прибавил Васькиному ухажеру эдак пяток лет и парочку нескромных поцелуев и его рук не там, где надо, и все – слезы и оправдания лягушонки оказались бессмысленными. Вердикт был именно такой, как я ожидал. Отныне у нее был комендантский час. Плюс ходить на пляж и вообще в город ей теперь разрешалось только в моем сопровождении или с родителями. Васька заявила, что она меня ненавидит и в таком случае лучше просидит в доме до самого сентября, и убежала в свою комнату. А что? С чувством исполненного братского долга я вернулся к Марку, и мы отправились на поиски приключений.

– Слушай, бро, а ты... ну, не слишком жестко с ней? – через время смущенно спросил друг.

– Не лезь, куда не просят! – огрызнулся я.

Тогда я, можно сказать, торжествовал победу. Хотя радость долго не продлилась. Если и раньше между нами были легкие заморозки, то с того дня воцарился долбаный ледниковый период. И продлился он до той ночи, которую я хочу, да при всем желании забыть не могу. Сколько всего было: всяких ночей – разгульных, грязных, даже сумасшедших, о которых и вспоминать-то стыдно, хоть и приятно. Но почему жить нормально не дает именно та одна? Почему плодит в голове вопросы? Почему из всех девушек, что у меня были, запах этой лишает меня самообладания? Почему лед ее безразличия сжигает меня, как напалмом?

Ветер на улице крепчал, и ветки мотылявшегося под его натиском старого ореха стучались в стены и крышу, словно заблудшие души, молящие о приюте. Я поднялся в свою комнату и повалился на кровать. Надо бы вздремнуть пару часов и выдвигаться. Но проклятые стены были недостаточно толстыми, чтобы не слышать, как Васька ходит по комнате. Потом заиграла мелодия ее сотового, и я услышал ее голос и смех. Кто ей звонит и заставляет улыбаться? Тот, с кем провела сегодняшний вечер, или столичный дружок? Для них она смеется и воркует,

заставляя мои кишки сворачиваться в узел от зависти. Разговор закончен, и снова звуки. Я их помню все, выучил за те годы, что она жила здесь. Вот сейчас она ложится на постель, что прямо за моей стеной. Какая-то пара десятков сантиметров разделяют ее тело и мое. И, как и много лет назад, от осознания этого факта моя голова как в огне, а член начинает рвать ширинку. Господи, пять лет ее не было, но вот она здесь, и, оказывается, ничего для меня не изменилось. Прижавшись ухом к стене, я слушаю, как она вертится в постели. Интересно, она хоть раз думала обо мне, о том, как мы близко? Вот уж вряд ли. За стеной раздается тихий стон, и меня едва не выгибает от жесткого удара вожделения, а все тело покрывается испариной. Я освобождаю свой стоящий колом член и обхватываю его, крепко сжимая и глухо ругаясь сквозь зубы. Кладу левую руку на стену и закрываю глаза, представляя, что под моими пальцами не холодная перегородка, а нежная, горячая кожа Василисы. Я вспоминаю, какая она на ощупь, провожу языком по губам, смакую в памяти вкус. Сдавливаю свой чертов член сильнее и хриплю, воскрешая ощущения того, какой она была вокруг меня. Я ненавижу себя за то, что снова поддаюсь этой слабости, но двигаю рукой все быстрее, мои бедра толкаются вверх, а позвоночник становится стальным раскаленным прутком, который гнет со страшной силой приближающаяся разрядка. Каждая мышца словно окаменела от дикой судороги, я сжимаю зубы до хруста, чтобы не дать вырваться из меня ее имени вместе с остро-болезненным оргазмом. Меня трясет и выгибает, пока я не изливаюсь без остатка. Боже, как же я проклиная тебя, Васька! Из-за тебя я чувствую себя жалким и никчемным извращенцем. Почему мне, взрослому, здоровому мужику в сотни раз приятней дрончить вот так с мыслями о тебе, лежащей прямо за стеной, чем трахать до одури любую другую женщину в этом гребаном мире? Что ты за неизлечимая болячка, засевшая в моем разуме?

Когда-то, годы назад мне казалось, что это творится со мной только потому, что она была под запретом, недоступна. Что если я хоть раз получу ее, то отряхнусь от этих диких изнурительных фантазий и спокойно пойду дальше, забыв о ней. Но разве стало лучше теперь, когда я знаю, как она может ощущаться подо мной и вокруг меня?

Ну да, то, что я спустя пять лет лежу и сжимаю свой член, мокрый от пота, вцепившись пальцами в долбаную преграду между нами, прямо-таки иллюстрация к тому, как я бодро шагаю по жизни, выкинув эту занозу из своей головы.

На все еще трясущихся ногах я иду в душ смывать с себя следы своего позора. Спать все одно не получится. Лучше пойти потом вниз и заняться снарягой, там, вроде, после последней каталки надо было «коцку» одну проклеить. Да, надо дать работу рукам и телу, чтобы выгнать мысли. Ветер и море должны прочистить мои мозги, а уж завтра я найду способ и верную линию поведения, чтобы поговорить уже на чистоту с Василисой. Знаю, что никаких шансов сблизиться у меня нет. Но я хочу получить ответы на свои вопросы, попросить прощения за то, что был таким мудаком раньше, и пойти, наконец, дальше. Прошлое должно стать прошлым.

Глава 5

Василиса

Звонок от Кирилла застал меня выходящей из ванны.

– Лиска, я так смотрю, если я сам не позвоню, то твоего звонка год не дождусь! – начал он сразу с упрека, и я буквально видела, как он старательно хмурится, изображая смертельную обиду.

Да, эти его гримасы имели способность останавливать биение женских сердец. Да что уж там – и не женских тоже.

– Кирюш, мы ведь сегодня говорили уже! – примирительно протянула я.

– Сто лет назад! – капризно фыркнул он.

Насколько я знаю моего Кира, в нем на данный момент уже плещется пара бокальчиков веселящей жидкости. На заднем фоне слышен гул голосов и столь нелюбимый мною искусственный женский смех, негромкая классическая музыка и даже тонкий звон хрустальных бокалов.

– Ты на приеме? – уточнила я.

– На вернисаже. И я скучаю по тебе. Никто мне не шепчет на ухо, что местные шедевры, которыми все так громко восторгаются, – полное говно. Не будит в окружающих мужиках похоть, а дамах зависть. И еще не защищает от вешающихся на меня подержанных богатеньких теток, уверенных, что никому не видно, сколько бабок они ухлопали на свою вечную молодость. Ты же знаешь, меня пугают эти существа, не имеющие возраста! Ну почему нельзя достойно принять свой возраст, не кромсая и перекраивая себя?

Кирилл перешел на заговорщицкий шепот, а звуки вокруг стали тише. Очевидно, ему все же удалось улизнуть в какой-нибудь тихий уголок.

– Бедный мой Кирюшенька! Ну ничего, я вернусь и разгоню страшных тетенок! – расмеялась я.

– Смейся, смейся, жестокая женщина! Вот получу психическую травму, и будешь потом меня по врачам за ручку водить и сопли со слюнями вытирать! А я буду сучить ногами и ныть, что хочу нового трансформера. Или чего там нынешние детишки просят?

– Буду, мой хороший, не переживай! – с улыбкой заверила его я.

– Верю, что будешь. – В простой фразе вся суть наших отношений. Он знает, что не брошу, случись с ним что и исчезни вся нынешняя мишура. Ведь я знаю его самый страшный кошмар. Его дед и отец заболели Альцгеймером, причем в довольно цветущем возрасте. И Кир до истерики боится стать третьим поколением с подобной судьбой. Медленно терять себя, свою память и саму свою личность – это то, что заставляет его задыхаться и ставит на грань суицида. То, что часто мучает его ночами, и он мечется, надумывая себе несуществующие симптомы. Тогда он просто не может найти себе места, накручивая себя все больше. Когда мы познакомились, он успел просто погрязнуть в полном отчаянии. Истерики повторялись почти каждую ночь, да и днем он был просто взрывоопасен. Много пил, срывал съемки, ввязывался в конфликты, становясь желанной мишенью для желтой прессы. И первое время никакие доводы о том, что его профессия является основным методом профилактики пугающей его болезни, не срабатывали. Панические атаки повторялись с завидной регулярностью, и только наши долгие еженочные посиделки на кухне в пижамах оказались способны успокоить его. Сначала мы говорили о его детстве. Именно процесс воспоминаний всего до самых мельчайших деталей и подробностей, ощущений от запахов, звуков, боли от падений приводил эмоции Кирилла в состояние умиротворения. Потом уже мы могли обсуждать что угодно: от последних новостей по телеку до того, как он собирается передать видение его очередной роли, или же спорили над

моими эскизами до хрипоты и швыряния друг в друга любой подвернувшейся едой. Ныне, спустя пять лет моих ночных бдений и бесконечных разговоров, совместных хождений по врачам, когда он сидел, вцепившись в мои руки до онемения, эти панические приступы стали совсем редкими. Но я очень переживаю, что сейчас, когда он остался без меня, все может стать хуже. Я знаю, что он наверняка не позвонит и не расскажет мне, если что, но я верю, что почувствую. Но еще я уверена, что одно слово или жалоба – и Кирилл бросит все и примчится, чтобы подставить свое плечо, и вывернется наизнанку, чтобы помочь.

– Как у тебя там? Домашний монстр не лютует?

– Да есть немного, – вздохнула я, вспоминая, как Арсений встретил меня сегодня.

– Давай я приеду и навалю ему? – тут же оживился Кирилл.

– Не надо. Я сама с ним справлюсь, – я не стала говорить вслух, что, если честно, немного сомневаюсь в исходе поединка, случись он когда-нибудь.

Арсений и раньше не был слабаком, а сейчас и вовсе стал напоминать матерого мускулистого волчару, уверенного в каждом жесте и движении. Аура угрозы исходила от него, создавая некую угрожающую оболочку. Словно на груди у него висел плакат со здоровенными светящимися буквами: «Сунешься ближе – убью!» И главное, что сомневаться в правдивости этой невидимой надписи не приходило в голову. За годы жизни с ним рядом я неоднократно видела, как он обращал в бегство парней гораздо крупнее себя одним только своим убийственно тяжелым взглядом. А уж быть свидетельницей того, как он ведет себя в реальной драке, я не хочу больше никогда на свете. Хватило и того, что видела. Потому что если уж этот псих и бросался в схватку, то становился совершенно безумным. Он был из тех, кто побеждает любой ценой или подыхает на месте. При воспоминании о его сумасшедших, почти белых глазах, когда он впадал в ярость, у меня даже сейчас волной бежали ледяные мурашки по спине.

– Ты уверена, Лиса? – Я слышала, что Кирюша встревожился.

– Конечно. Не бери в голову. Ну что он может мне сделать, кроме как вопить и пытаться достать, как обычно?

– Просто если он попытается тронуть тебя...

– Кир, перестань. Ты единственный, кто знает правду обо всем. Он ничего и никогда не делал силой. Все только я сама. Да, он доставал меня, изводил, портил жизнь... Но в этом смысле... никогда и ничего. Так что перестань.

– Ладно, Лисонька, извини. Ты собралась спать ложиться?

– Да.

– Ну, тогда спокойной ночи.

– А тебе хорошо повеселиться!

– Да что это за веселье без тебя!

Улегшись в постель, я долго не могла найти себе место. Хорошо знакомые звуки движения через стену мешали и отвлекали непрошенными картинками. Стоило прикрыть глаза, и я видела гибкое, сильное тело, отливающее влажным серебром в свете уличного фонаря, замершее без движения надо мной, подобно совершенному изваянию. Каждый мускул вздулся и натянул гладкую загорелую кожу, словно готов лопнуть от немыслимого напряжения. И сквозь пелену отступающей острой боли в самой сердцевине моего тела я вижу его глаза. Огромные, шокированные и словно одурманенные. Слышу хриплый прерывистый шепот, в котором чудятся боль и нежность, коих нет на самом деле. «Почему? Почему ты... ты не сказала? Маленькая моя... почему?»

И мое глупое тело отзывается болью и жаром на это воспоминание, и я выдыхаю придуренный стон. Не хочу помнить все это! Это ошибка! Ошибка! Неисправимая, но не значит, что столь красочные напоминания о ней должны преследовать меня всю оставшуюся жизнь! Все совершают глупости и даже гадости под влиянием эмоций! Потом, успокоившись и осознав, сожалеют, но, поумнев, – прощают и себя, и других и отпускают плохое из своей жизни. Вот

только мне никак пока так и не удалось этого сделать. Нет, я, конечно, разобралась, что совершила опрометчивый поступок. Точнее, целую их череду. Но уже научилась признавать это и не перекладывать на других ответственность, позволяя гневу и обидам быть ширмой, за которой я прячусь от собственной былой слепоты и доверчивости. И чувство боли давным-давно притупилось. Вот только окончательно отпустить никак выходило. Причем, в первую очередь это касалось того, что произошло между мной и Арсением. Разве мне не стоило больше страдать и мучиться воспоминаниями о человеке, с которым я когда-то хотела связать свою жизнь и была, кажется, безумно влюблена? Но нет же! Я, спустя всего пять лет, не могу воскресить в своей памяти почти ничего. Ни его запаха, ни звука смеха, ни ощущения прикосновений. Зато каждая секунда, каждый прерывистый выдох и отблеск на влажной коже из той единственной ночи отражаются, стоит лишь прикрыть глаза, так отчетливо, как будто они навечно выжжены у меня на подкорке. Захотелось двинуть по стене изо всех сил. Но я просто накрыла голову подушкой и постаралась думать о чем угодно, кроме факта, что за мужчина находится в столь непосредственной близости от меня.

Спала я плохо. Неудобным было все: и слишком мягкая подушка, и чересчур жесткий матрас, и вечно сбивающееся в ногах одеяло, и в принципе узкая теперь для меня кровать. Почувствовала себя капризным ребенком из старого мультика. По потолку беспорядочно металась тень веток, которые яростными порывами ветра кидало прямо на мое окно. Я в полудреме слушала эти требовательные завывания начинающегося шторма и понимала, что совершенно от этого отвыкла в столице. В детстве я даже любила спать под подобный неравномерный гул, а теперь мне реально было страшно, что крышу вот-вот сорвет, и я останусь один на один с разгневанной стихией. Глупые страхи! Да уж, дорогуша, разнежила тебя жизнь в мегаполисе.

Промаявшись так часов до четырех, я все-таки встала. Включила планшет, залезла на тот самый профессиональный сайт серферов и всех производных от этого вида спорта, о котором мне рассказали мои случайные вчерашние знакомые. Тихо присвистнула, заметив силу ветра. Да, это именно шторм, не просто сильный ветер. Фуру он еще, быть может, и не перевернет, но крышу снести или человека протащить по асфальту с десятков метров – запросто. Неужели и правда есть безумцы, готовые полезть в воду при таких условиях?

Поеживаясь и стуча зубами после ледяного душа, принятого, чтобы разогнать тяжесть в голове от бессонной ночи, я снова включила планшет... Зашла в интернет и набрала наугад: «Кайтсерфинг в шторм». За следующие полчаса я окончательно уверилась, что эти люди все-таки немного не от мира сего. Они напомнили мне главного героя голливудского фильма «На гребне волны» – так же, как и он, они колесили по всему миру в поисках новых местечек для катания с ровным, устойчивым, а главное для них, постоянным ветром: Тенерифе, Доминикана, Вьетнам, Египет, Мадагаскар, Венесуэла... Кто-то же конкретно гонялся именно за такими штормами, как бушующий нынче у меня за окном. Колеблясь между желанием поработать и увидеть воочию то, что с таким восторгом комментировали подписчики кайт сайтов, я все же выбрала второе.

Одевшись потеплее и навесив через плечо сумку с любимой «Лейкой», нашпигованной Кириом всевозможной оптикой, я на минутку тормознула перед самой дверью: ни на втором, ни на первом этаже я не услышала никакого движения, хотя при выходе из душа мне показалось, что хлопнула входная дверь и даже послышался шум. Нет, вроде все тихо. С затаенным дыханием я на цыпочках прокралась по лестнице и подошла к выходу. Из кухни слабо пахло натуральным кофе, как будто кто-то пил его ночью или под утро, а из ванной рядом с маминой спальней пробивался свет. Не желая никого встречать в эти ранние часы, я юркнула за дверь и еле удержала ее – порыв ветра чуть не вырвал ручку у меня из рук. Чертыхаясь и пытаясь подбородком удержать сползающую лямку фотоаппаратуры, я как-то умудрилась прикрыть дверь тихо и, подгоняемая ветром, шустро засемила к калитке. Еще одно сражение с расшалившимся воздушным божеством – и я уже бежала по улице, спускающейся к морю.

Хотя «бежала» – не совсем верно сказано, меня в большей степени нес ветер, настойчиво, а иногда и с ускорением подталкивая в спину. Да уж, только испытав на себе лично, начинаешь реально понимать смысл привычных с детства фраз, типа «Попутного ветра», дул бы он в лицо, пришлось бы точно вызывать такси или тупо ползти на четвереньках. Нет, Геша мне вчера ненавязчиво предлагал свои услуги по доставке на, как он это назвал, «соло Седого», причем мне показалось, что в его голосе, кроме явного восхищения, было и затаенное ревностное чувство, которое мужчина может испытывать по отношению к другому, более успешному представителю своего пола. Но я не жалела, что отказалась от Гешиной помощи и от участия в их утренней тусовке. Безусловно, все эти люди мне очень понравились, я была счастлива, что познакомилась с ними, да и просто рада, что такие, оказывается, есть, причем совсем рядом. Но сама я себя ощущала среди них чужой, ненужной, лишней. Я так долго пыталась отрастить броню, и у меня так хорошо это получилось, что я боялась показаться им холодной столичной стервой. Без подобной защиты не прожить в модной тусовке, где тебе приторно улыбаются в лицо, а стоит отвернуться, и улыбка обращается ядовитым оскалом. И только и смотри, чтобы тебя не укусили и не попытались воткнуть острый предмет в спину. Фигурально, конечно, но я была свидетельницей и настоящих схваток. Желание отгораживаться и изготавливаться к любой гадости у меня уже стало условным рефлексом. А такие простые и открытые люди могут запросто прочесть его. Боялась увидеть разочарование в глазах Машки или Рыж, страшилась разглядеть безразличие или презрение на лицах Шона или Цыпы. Вот, казалось бы, какое мне дело до их мнения? Увидела ведь первый, и в моих силах, чтобы в последний раз. Но даже Геша, с его щенячьим восторгом в глазах и по-детски восхищенным взглядом не казался мне провинциальным простачком, которого надо сразу и бесповоротно «отбрить», а, скорее, искренним и умным парнем, до сих пор сохранившим веру в любовь и женскую верность. Я просто боялась их заразить своим цинизмом и равнодушием.

А сейчас мне надо просто проветрить мозги. Да. Именно так. Ничего я там специально высматривать не буду. Мне предстоит серьезная работа над очередной серией костюмов. Нужны мысли, идеи, краски, образы. Да. Я иду к морю исключительно по работе.

Я вспомнила про еще одно потайное местечко – не очень далеко от места моей вчерашней встречи с кайтерами, но слегка в стороне и на взгорке, откуда хорошо виден пляж и происходящее на нем, а снизу меня можно будет увидеть только с воды. Замечательный уголок, где я могу наблюдать за всеми, оставаясь сама невидимкой.

Море завораживало. Оно открылось мне внезапно, вдруг, моментально наполнив мои легкие своим терпким запахом, осев соленой пылью на губах, притянув к себе загипнотизированный взгляд крольчишки перед ошеломительно огромным драконом. Море, такое разное накануне и сейчас. Вчера – бирюзовое, дружелюбное, лишь иногда сверкающее мелкими задорными барашками волн. Сегодня – седое, суровое, стремительно обрушивающее трехметровые волны, покорные его воле, туда, где, по его мнению, необходимо рассыпаться на миллионы сверкающих серебром брызг, в очередной раз напоминая скалам, что и они рано или поздно не устоят перед его мощью и настойчивостью.

И вдруг среди этой стихийной вакханалии, при одном взгляде на которую волосы невольно начинали шевелиться на загривке, я увидела взлетевшую в небо человеческую фигуру. Ярко-голубой кайт с нарисованной на нем летучей рыбой, повинуясь, казалось, силе мысли своего наездника, закрутил петлю и аккуратно опустил человека на гребень волны. Я дрожащими руками достала свой фотик и, настроив оптику, начала щелкать, как сумасшедшая. Этот безумец при таком ветре и такой волне взлетал и садился на воду так же спокойно и невозмутимо, как я, например, сажусь или встаю со стула на своей кухне. Иногда я замечала, что он, держа планку управления кайтом одной рукой, второй гладит пенные шапки волн, как будто трепля по загривку огромного сторожевого пса, что позволяет делать это только своему хозяину. Я даже не обратила внимания на то, что ветер давным-давно сорвал с моей головы

капюшон ветровки и уже успел расплести наспех собранную косу. Волосы плескались вокруг лица, испортив пару десятков кадров, но я даже и не думала прерваться хоть на секунду, боялась упустить очередной взлет. Мое сердце замирало каждый раз, когда я теряла его из вида, заслоненного очередным гребнем. И только змей, по-прежнему парящий в небе, уверял меня в том, что человек в порядке.

Я бывала на многих спортивных состязаниях с Ки́ром. Его приглашали и на открытие гонок, и несколько раз за сезон на рысачьи бега. Даже пару раз случилось посетить с ним боксерские поединки и, морщась, сидеть на VIP-местах, где видно то, на что хочешь смотреть, и даже то, что не очень. Но нигде и никогда у меня не возникало такого неистового желания молиться за совершенно незнакомого и, в какой-то мере, ненормального мужика. А сейчас я молилась, глотая сухой ком в горле и до побелевших костяшек сжимая фотоаппарат. В один из очередных безумных прыжков на высоту многоэтажного дома, как мне показалось, что-то случилось или пошло не так. Из рук кайтера ветром вырвало планку управления змеем. Фигурку развернуло в воздухе вверх ногами, и он обвис, безвольно свесив руки. «Господи, спаси и сохрани этого идиота», – сквозь слезы шептала я, продолжая фиксировать практически каждый миг этого невероятного танго втроем: человека, стихии и смерти. Но тут порывом ветра до меня донесло гул собравшейся внизу компании и... приветственные крики. Они тоже рехнулись? Там что-то нехорошее случилось, а они еще не вызвали спасателей и радостно гомонят? Настроив максимальный зум, я поймала в объектив парящее тело. Человек вскинулся, как будто просто повисел на турникете, отдыхая, легко подтянулся и спокойно и непринужденно цапнул планку. Вторая рука показывала... большой палец.

«Приду́рок чокнутый. Они все чокнутые приду́рки. Я больше не буду на это смотреть», – твердо пообещала себе я и... простояла еще минут десять, наблюдая, как Седой (его ведь так называли вчера ребята?) начал неторопливо и уже без особых выкрутасов приближаться к пляжику.

Я дождалась того момента, когда он выбрался на берег. К нему тут же бросились друзья, гомоня и явно восхищаясь этим ненормальным. Но, как ни странно, он сам смотрел, не отрываясь, не на них, а в мою сторону. Странное чувство заскребло внутри, и я попятилась дальше, так, чтобы меня уж точно нельзя было заметить снизу. Постояв еще пару минут, я развернулась и, преодолевая теперь уже встречный ветер, стала выбираться на дорогу.

– Девушка, вам не в центр? – раздался сзади голос с акцентом.

Обернувшись, я увидела невесту откуда взявшееся тут в такой час такси. На переднем сидении маленькой «япошки» с правым рулем уже была одна пассажирка, и поэтому я и решила, ничего страшного в том, что я сяду в машину, не будет. Так-то меня нельзя назвать доверчивой особой. Через минуту я уже скрючилась на неудобном заднем сидении, отходя от пронзительного ветра и приводя в порядок мои отпущенные на свободу непокорные волосы.

Выйдя из машины частного прямо перед больницей, я снова провела минут сорок в больничных коридорах, дожидаясь с обхода маминого лечащего врача. Сидя на жесткой кушетке, которая, наверное, помнила проходящих мимо старушек юными комсомолками с горящими глазами, я от нечего делать просто изучала глубину и фактуру мелких трещин на стенах, чей возраст безуспешно пытались прикрыть ремонт. Может, в больнице и навели лоск и снабдили самым современным оборудованием, но с тем, что то там, то тут наружу лезут свидетельства прожитого зданием времени, сделать ничего не смогли. Я пробовала заняться предварительным просмотром отснятых кадров и удалить совсем уж испорченные, но очень быстро поймала себя на том, что не могу сосредоточиться на фото. Вместо свинцово-серого сегодняшнего моря я видела его совсем другим. Мистически черным, почти совершенно гладким, словно озеро нефти, с яркими лунными бликами, складывающимися в знаменитую, воспетую тысячами поэтов дорожку. И еще нежным и теплым, ласкающим кожу, подобно трепетному, робкому любовнику, который так боится позволить себе лишнего, хоть и обладает сокруши-

тельной силой. Таким оно бывало в моем детстве, когда я сбегала из дома, только услышав, что мама и дядя Максим ушли спать, а мой мучитель, ставший причиной моего почти добровольного заточения, убрался из дому на очередную гулянку. Именно во время одной из таких тайных ночных прогулок я стала случайной свидетельницей реального секса. И, конечно, мужчиной не мог оказаться никто другой как обязательно мой сводный братец. Будто из миллионов парочек, во все времена занимавшихся сексом на пляже, я просто неминуемо должна была наткнуться на него с очередной однодневной пассией. До этого я, конечно, сто раз видела почти голых, обнимающихся весьма откровенно людей. Ради бога, многие ведут себя, мягко говоря, весьма раскованно даже в общественных местах, находясь на отдыхе. Тут, видимо, срабатывает некий механизм, отпускающий на волю тайные фантазии и обманчивое ощущение оторванности от обычной обстановки, и самоубеждение, что раз ты далеко от дома и об этом никто не узнает, то можно и почудить, и дать волю глубоко спрятанным порочным желаниям. Я давно научилась не замечать чужих прилюдных ласк и никак не соотносить это с собой, не примеривать и не задаваться вопросом, как бы это могло ощущаться, если бы так прикасались ко мне. И в этот раз, шагая по пляжу, я буквально выскочила на парочку, сплетенную в тесных объятиях на мелкой гальке. Замерев, как олень, попавший в свет фар, я стала судорожно размышлять, как бы ретироваться, пока меня не заметили. И в этот момент я услышала голос мужчины и остолбенела, бесстыдно приклеиваясь взглядом к происходящему интимному действию. Арсений говорил тихо, но отнюдь не шептал, явно не особо переживая, что их услышат. Хотя он, наверное, вообще никогда не переживал и от природы не умел испытывать чувство смущения. Тем более его партнерша стонала и охала так громко, что разобрать его отрывистые слова было невозможно, только резало слух, что звучал он более хрипло и грубее, чем обычно. Рассмотреть девушку с моего места я не могла, только широко раздвинутые ноги, между которыми Арсений вклинил свои мускулистые бедра в слегка приспущенных джинсах. Господи, он даже не разделся полностью! Разве это нормально? Да, на нем не было футболки, но он и так их почти не носил летом, откровенно красуясь накачанным торсом. Я пыталась тогда вызвать в себе волну возмущения, убеждая, что он мерзавец, если не соизволил снять даже штаны, прежде чем заняться... этим. Ведь наверняка это должно обижать его партнершу... ну, мне так казалось. Но судя по звукам, долетавшим до меня после каждого плавного тягучего толчка Арсения, его партнерша была всем довольна. А я сама, как идиотка, не могла оторвать глаз от движений волнообразно сокращавшихся мускулов, когда он посылал свои бедра вперед, а затем отступал. Что-то происходило со мной, нечто сродни нарастающей боли и давлению в самых неожиданных местах, и это нечто усиливалось с каждым стоном женщины, которые становились все отчаянней. Сжав до боли кулаки, я заставила себя зажмуриться и начать пятиться. Партнерша Арсения вскрикнула особенно громко, и он на несколько секунд замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.